

И 90

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

1940

А. Л. ПОНОВ

БОРЬБА ЗА СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ПЛАЦДАРМ

Начиная с последней четверти XVIII в., борьба за свободный выход в теплое море и за южные проливы являлась стержневой задачей активной внешней политики царской России. Политика царской России на Ближнем Востоке сталкивалась с политикой Англии, заинтересованной в недопущении России к проливам — к выходу на пути, которые вели в Индию и которыми Англия стремилась владеть безраздельно.

Зародившаяся на Ближнем Востоке англо-русская борьба с течением времени осложнялась моментами экономического соперничества. Это соперничество локализовалось главным образом на рынках Персии (ныне Ирана), а затем и Средней Азии.

Средняя Азия являлась вторым путем, соединявшим Россию с Британской Индией, — тем самым, каким собирался идти Павел I, заключив союз с Наполеоном против Англии. Но это был путь дальний и трудный, проходивший по знойным степям Кара-Кума и Кызыл-Кума.

В первые два десятилетия после смерти Павла англо-русские противоречия еще не успели созреть и проявиться с достаточной силой. До 30-х годов XIX в. среднеазиатские дела оставались вне сферы «большой» политики царизма. Они не знали даже пограничных вопросов. Южные границы казахской степи, за которыми лежали независимые среднеазиатские ханства, определялись в ту пору (по выражению исследователя того времени) «не иначе, как умственной линией, которой направление будет описано самым неопределенным образом».¹

Царское правительство не могло не ценить Среднюю Азию как рынок «бесовместный» для русских мануфактурных товаров. Русская мануфактура вывозилась главным образом в казахские степи, а оттуда проникала в соседние ханства. По данным министерства финансов, в 1830 г. было вывезено бумажных товаров по европейской границе на 200 тыс. руб. асс., по Каспийскому морю — на 800 тыс. руб. асс. и в среднеазиатские степи — на 2,1 млн. руб. асс.,² а в 1834 г. тот же вывоз определялся соответственными цифрами: 10 тыс. руб., 100 тыс. рублей и 3,06 млн. руб.³

Богатая хлопком Средняя Азия имела значение и как рынок сырья. Круглую роль в этом отношении среднеазиатские рынки в рассматриваемую пору еще не играли: в 1825 г. в Россию ввозилось хлопкового волокна по европейской границе 39 тыс. пудов, а по азиатской — 23 тыс. пуд.; в 1832 г. — 121 тыс. пуд. и 6 тыс. пуд.; в 1833 г. —

136 тыс. пуд. и 3 тыс. пуд.⁴ Царское правительство не могло не ценить Среднюю Азию как резервный потенциальный рынок для развивающегося отечественного хлопчатобумажного производства и как рынок сырья, тем более, что в ту пору, кроме хлопкового волокна, из Средней Азии вывозилась в значительном количестве и пряжа.

Правда, русские торговцы часто жаловались на недостаточное внимание к их интересам со стороны органов власти — как центральной, так и на местах. В августе 1833 г. оренбургский ген.-губернатор забил тревогу по поводу подвешивания в Бухаре дешевых английских товаров. И министр финансов Канкрин и министр иностранных дел Нессельроде отнеслись к этому факту спокойно; они выражали уверенность в том, что Бухара и Хива не смогут обменять своих товаров в Индию, и через несколько лет, с развитием русского бумагопрядения, «конкуренция английских товаров станет не страшной».⁵

Аналогичных фактов, характеризующих исключительно спокойное и хладнокровное отношение царского правительства к условиям русской торговли в Средней Азии, в рассматриваемую пору было не мало.

Было бы однако неправильно делать отсюда вывод, что царское правительство пренебрегало интересами торговли в Средней Азии, недооценивало значения этой торговли. В одном из своих отношений к Канкрину, датированных более поздним временем, Нессельроде между прочим писал: «Спокоенствование торговли вообще составляет одну из главных целей наших политических действий в отношении ко всем сим странам и народам Средней Азии... ибо торговля сия составляет основу ющей нашей азиатской политики».⁶

Это значило, что заботы о развитии среднеазиатской торговли входили составной частью в систему среднеазиатской политики царизма, что торговля служила в то же время удобной формой и прикрытием этой политики, но не покрывала собою всех ее целей. Это значило также, что на известном этапе дипломатическое ведомство занимало в среднеазиатских делах твердую уверенную позицию, но до поры до времени особой активности на этом участке не проявляло.

Активизация царской политики в Средней Азии стала заметной тогда, когда стала возрастать английская экспансия, шедшая из Индии. Активизация царской политики в Средней Азии проявилась с значительной силой тогда, когда успехи царской политики на Ближнем Востоке, выразившиеся сначала в Адрианопольском договоре, а затем в Униар-Искелеском, стали встречать активное противодействие со стороны Англии. Углубление англо-русских противоречий на Ближнем Востоке превращало Среднюю Азию в новый плацдарм англо-русской борьбы, обострившей эти противоречия, но в течение долгого времени игравшей подчиненную вспомогательную роль в борьбе за проливы.

I

Еще 16 ноября 1830 г. оренбургский ген.-губернатор Сухтелен переслал в министерство иностранных дел проект снаряжения экспедиции к северо-восточным берегам Каспийского моря. Экспедиция должна была тщательно осмотреть залив Мертвый Култук, всесторонне изучить побережье залива и выбрать пункт, удобный для устройства пристани и укрепления.⁷

¹ Хлопководство в Туркестане, стр. 143—144, Л., 1925.

² МИД, Гл. арх., II—3, 1833, № 6.

³ Там же, 1833, № 3 — Отношение Нессельроде от 14/IV 1833 г.

⁴ ЦИНА, ВУА, № 1062, д. 1, 9—13.

¹ А. Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. I, стр. 2, СПб., 1832.

² Государственная внешняя торговля в разных ее видах за 1830 г.

³ То же за 1834 г.

Автором проекта был Г. С. Карелин, служивший ранее в собственной канцелярии Аракчеева, с 1822 г. составивший за смелую эпиграмму в Оренбурге¹ и наболевший в распоряжении оренбургского генерал-губернатора. Имя Карелина, принимавшего уже участие в одной из экспедиций по изучению киргизских степей (в 1823 г.) и составившего карту земель «внутренней киргизской орды», в министерстве иностранных дел было известно. По докладам Нессельроде и Чернышева проект был одобрен царем, передан в Главный штаб и затем поступил на рассмотрение в Морской штаб. Сам Карелин был тем временем принят на службу в министерство иностранных дел и назначен состоять при хане «внутренней киргизской орды».

Рассмотрение проекта в петербургских канцеляриях затянулось. Летние месяцы (1831 г.), единственно удобные для реализации проекта, были упущены. Дело было отложено до лета следующего года. Только 1 июня 1832 г. Сухтелен доложил Чернышеву, что экспедиция для обозрения восточного побережья Каспийского моря вышла из Гурьева в составе 23 чел. под начальством Карелина, и что главным объектом работ экспедиции является обследование уральских рыболовных островов, принадлежащих к эмбенским водам². Экспедиция продолжалась около четырех месяцев, и в августе 1832 г. возвратилась к устьям Урала.

На заседании Азиатского комитета 19 мая 1833 г., происходившем при участии вновь назначенного оренбургского генерал-губернатора Перовского, обсуждалась составленная в министерстве иностранных дел записка о результатах работ экспедиции. Основываясь на данных Карелина³, автор записки приходил к заключению, что торговые выгоды от поселений на Мангышлакском берегу будут ничтожны, что путь к Хиве отсюда труден и что «з политическом и военном отношении места сии все бесполезны». Вместе с тем указывалось на то, что в заливе Кара-су или Кайдаке желательно занять пристань Кызыл-Таш, как место здоровое в климатическом отношении, богатое пресной водой, и как единственный пункт, откуда возможна перевозка тяжелой артиллерии на Усть-Урт. Место это «находится в самом центре земель, занимаемых ныне непокорными киргизами хищного Адаевского племени». «Занятие сего места, — отмечалось в записке, — обратит к оному торговлю не только киргизов и туркмен, едущих за русскими произведениями в Хиву, но и самих хивинцев и, таким образом, доставит нашему купчеству великие выгоды и решительный перевес». Комитет исходил из необходимости, следуя большому плану Петра I, «стать твердой ногою на восточных берегах Каспийского моря». Комитет согласился в основном с доводами Карелина в пользу ориентации на залив Кара-су. Он постановил предоставить оренбургскому генерал-губернатору 50 тыс. рублей на устройство укрепления, «не стесняя его никакими формами». Комитет считал однако необходимым действовать с осторожностью, рассматривая «предприятие сие, коего польза предвидеть теперь всех последствий» как «некоторый опыт, совершаемый для торговых видов и для обуздания от своеволия адаевских киргизов и самих хивинцев». Поэтому Перовскому предлагалось не строить при возводимом укреплении поселений и водворяемым там нижним чинам и казакам не предоставлять прав и преимуществ поселенцев. Перовскому вместе с тем

предлагалось не предпринимать никаких новых мер, которые могли бы стеснить деятельность торговцев, и обратить особое внимание на организацию управления рыбными промыслами⁴.

Вопрос об организации управления рыбными промыслами на северо-восточном побережье Каспийского моря актуализировался в ту пору по двум причинам.

Эмбенские воды на северо-восточном берегу Каспийского моря (от Курочкина булга до Тюп-Караганского мыса), до 1802 г. принадлежавшие гр. Кутайсову, теперь были обращены в общее пользование. В своей докладной записке о результатах экспедиции к северо-восточному берегу Каспийского моря Карелин указывал, что рыболовство дает здесь громадные доходы, что особенно доходны тюленьи промыслы, что из всего этого дела должна извлекать доходы также казна и что следует ввести систему откупов⁵. Те же соображения фискального порядка развивал и Перовский, проектируя централизацию управления рыбного промысла, организацию налогового обложения рыбопромышленников, паспортизацию занятого на промыслах многочисленного бродяжного люда. Должная организация рыбных промыслов могла привести, по мысли Перовского, к сокращению бродяжничества, к утверждению в крае порядка и спокойствия и, наконец, к развитию меновой торговли с киргизами⁶. Вопрос об организации управления рыбными и тюленьими промыслами, как и вопрос о развитии и оживлении меновой торговли на северо-восточном побережье Каспийского моря, не мог не приобрести в ту пору и значения политического.

В инструкции, данной Карелину при назначении его начальником работ по устройству нового укрепления, Перовский говорил о необходимости соблюдения величайшей осмотрительности и осторожности. Карелину предлагалось «испытывать средства в привлечении азиатских племен, ближних и дальних, выгодами мепи и торговли... стараться ввести между ними в общее употребление наши толстые сукна и грубые изделия фабричной промышленности... распространять потребность в железных, медных и чугунных вещах». Разумеется, развитие меновой торговли с кочевыми туркменами не могло служить самоцелью. Но оно, во-первых, должно было содействовать тому, чтобы «сблизить торговлю с Хивой». Оно должно было, во-вторых, повести к упрочению русского влияния в данном районе, который рассматривался как плацдарм для дальнейших действий — «для собирания возможных сведений о западной части Средней Азии и преимущественно об Адаевском море со выходящими в оное реками». Поэтому было необходимо, «чтобы учреждение сего заповедия не подало даже вида завоевания или политического предприятия». Поэтому Карелину предписывалось «всеми зависящими средствами... стараться снискать доверие туземцев и, сколько можно, уклоняться от случая к нарушению доброго согласия, привлекая старшин и простоятелинов... подарками или другими угождениями». Поэтому от него требовалось «доказывать кочующим близ Кызыл-Таша ордынам и другим азиатцам, сей берег посещающим, что колония основана единственно на предмет торговли для обоюдных выгод»⁷.

В конце апреля 1834 г. новая экспедиция под начальством Каре-

¹ Там же, стр. 47—54.

² Там же, стр. 31, 144—153.

³ МИД, Гл. арх., П.—3, 1835—1842, № 1, л. 1, 3—8.

⁴ Инструкция не датирована; составлена она, повидимому, в феврале 1834 г. (ЦИА, ВУА, № 1062, лл. 116—124 и 125—132).

⁵ Л. Берг. История исследования Туркмени (об. «Туркмени», I, стр. 98—104, изд. АН СССР, 1929).

⁶ ЦИА, ВУА, лл. 35—40, 11 мая 1832 г.

⁷ Записки Русск. географ. общ., X, стр. 1—59, СПб., 1883.

липа в составе 500 казаков и солдат при тринадцати орудиях, погруженных на пяти частных судах, купленных для перевозки, в сопровождении трех военных крейсеров отбыла из Гурьева. 2 мая экспедиция высадилась в Кызы-Таше. «Киргизы Адаевского рода, — сообщил Карелин в своем донесении от 20 июня 1834 г.¹, — встретили было нас грозно, с шумом и страшною суматохою, но перспективами меня и подарками старшинам удалось успокоить их».

Одновременно с фортификационными работами началась мена, завязавшая связи с биями и почетными ордынцами-адаевцами. Потекли жалобы на туркмен и хивинцев, просьбы защитить от притеснений.

22 июня состоялось открытие укрепления, названного Ново-Александровским. По словам Карелина, укрепление было построено так, что «не только кавалерию, но и добрую европейскую пехоту заставит призадуматься»². Первые донесения Карелина были проникнуты бодростью и оптимизмом. В донесении от 20 июня 1834 г., говоря о значении нового укрепления для развития караванной торговли, для обеспечения ее безопасности и интенсификации рейсов, Карелин замечал: «К Аральскому морю путь, к Хиве — другой, но оба ведут к одной цели: непосредственной торговле с Индией». Судожодство Аму-Дарьи открывала, по словам Карелина, возможность, не трогая Хивы, продолжать путь в Бухару и далее «до ворот Индии»³.

В своем донесении от 29 июня 1834 г. Карелин проектировал «погрозить хивинцам... весной же, не вступая в хивинские пределы, занять верстах в 50 от Кунграда местечко на Аральском море, и тогда без выстрела хозяйничать по произволу»⁴. Препровожда донесения Карелина Чернышеву, Родофиникин (директор Азиатского департамента) шутил, говоря, что посылает «хорошие известия о новорожденном Вашем дитяти на северном берегу Каспийского моря... полученное от дядьки, к сему новорожденному приставленного»⁵.

Несколько месяцев спустя из Ново-Александровского укрепления стали поступать известия менее благоприятные. В октябре 1834 г.⁶ Перовский сообщал о том, что хивинский хан повел агитацию среди адаевцев и что последние из страха перед ним «счужаются дружеских с нами сношений... До сих пор с трудом удалось нам купить у них несколько лошадей и выменять для продовольствия гарнизона несколько баранов». Перовский уверял, что хивинский хан замыслил нападение на крепость, что он располагает 20 артиллерийскими орудиями и требует от адаевцев и туркмен участия в походе. Родофиникин не разделял опасений Перовского: он не видел опасности для укрепления не только в военном, но и в политическом отношении. «Если бы, — писал он Перовскому, — на Усть-Урт пришли мы по приглашению друзей наших, чтобы защищать их от хивинцев..., но мы гости незваные». Адаевцы, по мнению Родофиникина, «всегда были нам враждебны, а туркмены всегда грабили наши рыбные промыслы». Предполагая, что в политическом отношении «хуже не будет», Родофиникин успокаивал Чернышева, взволнованного сообщением Перовского: «Верьте мне, что все, что делается около нашего

Ново-Александровска, есть сущность и богатия мурьев, усиливших вблизи львиные пасти»⁷.

Опасения Перовского не оправдались. Для пущего новосозданного укрепления никакой работы не нашлось. Но не оправдались и радужные перспективы Карелина. Вражда адаевцев возматывалась, торговля шла плохо. В декабре 1836 г. Карелин писал Родофиникину из Астрахани: «Дела в Ново-Александровске идут плохо от жадности тамошнего команданта и пристрастия Василия Алексеевича (Перовского. — А.П.)... Присваивающих торговцев тянут самым бесовским образом, гарнизон содержат в крайности, выводят страшные деньги, а киргизов из друзей и преданных нашим пользам сделали врагами»⁸. «Новорожденное дитя» стало заметно хиреть. Оно скоро погибло от обстоятельств самых прозаических. Развивавшиеся среди гарнизона цинготные, гастритические и легочные заболевания, необходимость частой смены гарнизона, плохое оборудование жилья — все это уже через два года поставило вопрос о дальнейшем существовании укрепления⁹. Еще несколько времени спустя кап. Ширков, посетивший по поручению военного министерства северо-восточное побережье Каспийского моря, писал об «ужасном положении Ново-Александровска», где в гарнизоне от недостатка воды «умирает шестой человек»¹⁰. Вопрос о дальнейшем существовании Ново-Александровского укрепления был решен окончательно тогда, когда судьба хилого «дитяти» перестала представлять какой бы то ни было политический интерес, когда «львиные пасти» стали слышаться значительно дальше и в другом направлении, когда «дядьки» из дипломатического ведомства стали высылать для военного министерства новых питомцев.

II

В те дни (май 1834 г.), когда план военного министерства о закреплении позиций на северо-восточном побережье Каспийского моря начал только осуществляться и Карелин устанавливал тяжелую артиллерию на возвышенностях Кызы-Таша, в Морском и Генеральном штабах разрабатывался новый план — осмотра всего восточного побережья Каспийского моря вплоть до персидских прибрежных вод. Комиссия из офицеров обоих штабов занялась приведением в известность, разбором и систематизацией всех имевшихся по данному вопросу материалов¹¹. Материалов этих было много, потому что вопрос имел большую историю. Прежде всего нужно было изучить неудачный, но поучительный опыт Бекевича, пытавшегося в 1717 г. во главе казачьего отряда достигнуть Хивы, но оставшего в руки хивинцев и зверски убитого ими. Затем шли относительно небольшие работы экспедиций лейт. Саймонова в восточных берегах Каспия в 1726 г.¹² и майора Ядыженского, посетившего в 1763 г. Киндерлинский залив¹³. Серьезного внимания заслуживали материалы экспедиции кап. Войновича. Отправившись в 1781 г. для обследования

¹ Там же, лл. 257—258 — Письмо Родофиникина Чернышеву от 20/X 1834 г.

² МГА, Гл. арх., I—9, 1835—1839, № 3, л. 24.

³ ЦВИА, ВУА, № 1062, л. 385 — Доклад Инспекторского департамента Ген. штаба от 23/X 1836 г., № 204.

⁴ Там же, № 19253, лл. 1—8 — Рапорт Ширкова Шуберту от 26/IV 1840 г., № 3.

⁵ Там же, Доп. V Отд., № 45010, лл. 11—24.

⁶ «Описание Каспийского моря и чингисских на оном российских замоснований яко часть истории Петра Великого, трудами г. с. губ.-ра Сибиря и орд. св. Александра кавалера Ф. И. Саймонова» («Ежемесячные сочинения», 1763 г., кн. 2).

⁷ См. А.И. Кавк. Архив. пом. 7, VI, ч. II, стр. 783—787.

¹ ЦВИА, ВУА, № 1062, лл. 217—218.

² Там же, лл. 218—219.

³ Там же, лл. 220—221.

⁴ Там же, лл. 217—221.

⁵ Там же, л. 212.

⁶ Там же, лл. 254—256 — Рапорт Перовского Чернышеву от 9/X 1834 г., № 203.

юго-восточного побережья Каспийского моря, он произвел подробный осмотр Балханского и Астрабадского заливов, пытался вступить с местными властями в переговоры об уступке России береговой территории и в результате этих переговоров ознакомились с положением пленника¹. Вопросы, связанные с восточным побережьем Каспийского моря, получали свое отражение не только в материалах морских экспедиций. В 40-х годах XVIII в. они обсуждались в коллегиях иностранных и внутренних дел. Еще в 1741 г., во время наступления Надир-шаха на хивинские и бухарские земли, кочевывшие там туркменские племена в количестве 300 тыс. гибноток отошли в Мангышлакские степи и оттуда прислали в Астрахань своих людей за хлебом.

Основные массы туркмен после отступления войск Надир-шаха оточевали обратно. Оставшиеся же туркменские роды расселились по восточному побережью, где их с одной стороны теснили казахи, с другой — хивинцы. В течение последующих десятилетий представители феодально-родовой туркменской верхушки неоднократно возбуждали перед царским правительством вопрос об оказании им «покровительства» и принятии их в российское подданство. Вопрос этот обсуждался в Петербурге в 1767 г. и был решен царским правительством в отрицательном смысле. Вопрос этот встал в 1798 г. и снова получил отрицательное решение. Он был снова поднят в 1802 г. Прибытием в Петербург с Мангышлака туркменскими депутатам была дана особая грамота (от 16 апреля 1803 г.) о принятии их под покровительство России и назначено жалование. Тогда же (1803 г.) царское правительство послало инженер-поручика Лопкарева для осмотра восточных берегов Каспия и выбора места для укрепления. В следующем (1804) году ту же операцию продвигает ген.-майор Фельдверзман.

В 1811 г. в Астрахань снова приезжают туркменские депутаты Чаудурова рода². Если туркменские племена, жившие по северовосточному побережью Каспийского моря, терпели главным образом от Хивы, то туркмены юго-восточного побережья тяготились своей зависимостью от Персии³. В этом плане становится понятным тот факт, что в 1813 г., во время русско-персидской войны, депутаты от приатрапских туркмен ведут с ген. Ртищевым переговоры о совместных действиях против Персии⁴. В этом же плане проходит отразившаяся Ермоловым в 1818 г. экспедиция майора Пономаренко и кап. Муравьева к восточным берегам Каспия и повторная (в 1821 г.) экспедиция Муравьева, занимающаяся тесные связи с туркменами и назначенного на Краснодарский кос место для укрепления⁵. Есаул Лалаев, посланный туда же Паскевичем в 1830 г. с целью выяснить отношение туркмен к Хиве и к Горагу и упрочить связи с влиятельными старшинами, пришел к заключению, что «группы

¹ МНД, Гл. арх., I—9, 1836—1856, лл. 32—44 — Записка, составленная Бларамбергом в 1837 г.; см. также «Записки Русск. геогр. общ.», IV, стр. 49—124, СПб., 1866; см. также «Исторический журнал бывшей в 1781 и 1782 гг. на Касп. море российск. эскадры под командою флота кап. 2-го ранга гр. Войновича. Сочинение К. Г. О картине этого моря», Москва, 1806; см. также «Русская Старина», октябрь 1881, А. Березе в. Гр. Войнович в Персии в 1781 г.

² См. указ, Записку Бларамберга.

³ В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа (сб. «Туркмения», I, стр. 66—69).

⁴ См. Записку Бларамберга.

⁵ Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг., М., 1822.

менцы весьма преданы России и предпочитают ее прочим государствам»¹.

Наконец, в 1835 г. в петербургских канцеляриях стало известно, что астраханский купец Герасимов, отправившийся на юго-восточное побережье Каспийского моря в район Гасан-Кули, заключил контракт с иномудами на пользование туркменскими рыбными промыслами; тогда же он вместе с влиятельным телелевским феодалом Кынатом приехал в Тифлис к бар. Розену для разрешения тяжёлого дела Кыната с рыбопромышленником Мир-Багировым. К весне 1835 г., когда изучение архивных материалов, связанных с историей вопроса, должно было быть закончено, царское правительство перешло от истории к политике, поставив вопрос об организации новой экспедиции.

В мае 1835 г. на столе у министра финансов Канкрин уже лежала составленная Карелиным записка: «Цель и план путешествия для обзора восточных берегов Средней Азии»². Записка исходила из соображений, что Каспийское море, которое «находится почти исключительно в нашем владении», где во всяком случае «нет соперников, которые могли бы оно оспаривать», остается далеко не использованным. В записке указывалось, что освоение Каспийского моря окажет влияние на расширение русской торговли, а это в свою очередь будет иметь значение в отношении «военном и политическом». В ней проектировалось снаряжение экспедиции с целью всестороннего и изыскывающего обследования всего восточного побережья Каспия от Тюп-Караганского мыса до Астрабада и Балфуруша.

Проект на этот раз не залежался в министерских портфелях, и вопрос был разрешен с исключительной быстротой. 30 мая Канкрин передал записку в министерство иностранных дел с положительным заключением. Через четыре дня от Рододфинкина было получено формальное согласие принять половину предполагаемых расходов по экспедиции за счет министерства иностранных дел. 6 июня доклад Канкрин от экспедиции был утвержден царем, и 15 июня Карелину была вручена составленная Канкриным инструкция. Замане, дававшаяся Карелину, было сформулировано следующим образом: «ознакомление жителей с нашими произведениями, привлечение их к непосредственным с нами торговым сношениям и изыскание средств к прочному основанию сих сношений». По указанию Нессельроде, в инструкцию было включено требование «не вступать в пределы персидские, кроме Астрабада»; вместе с тем рекомендовалось в нужных случаях «делать азиатцам... подарки»³. В расчеты министерства иностранных дел не входило демонстрировать свое участие в экспедиции. Между министрами было условлено, что Карелин, продолжая сохранять оклад по министерству иностранных дел, будет получать распоряжения по министерству финансов. Даже в частном письме к Перовскому⁴ Рододфинкин отмечал, что согласился на устройство экспедиции, во-первых, «потому что по русской пословице против рожна не прати», а, во-вторых, потому, что «если не правительство, то по крайней мере наука извлекает для себя пользу из этой поездки». «Мы, — заявлял Рододфинкин от лица своего ведомства, — только зрители и в нужных случаях помощники».

Открывавшееся «зрелище» представляло однако для царского пра-

¹ См. Записку Бларамберга.

² МНД, Гл. арх., I—9, 1835—1839, № 3, лл. 2—7.

³ Там же, лл. 18—23.

⁴ Там же, лл. 49—50 — от 13/VI 1835 г.

вительства настолько значительный интерес, что в числе «зрителей» включалось и военное министерство. Последнее прикомандировало к экспедиции капитана И. Ф. Вларамберга, ученого голландца, зарекомендовавшего себя на русской службе участием в ряде экспедиций против горцев. Начальник Главного штаба instruировал Вларамберга не только о необходимых астрономических наблюдениях, но и о важности изучения «дорог от Каспийского моря к Аральскому и о всех караванных путях, ведущих от значительных мест восточного берега, а также и от Астрабада в Хиву, Бухару, Герат, Самарканд и Балх». Вларамберг должен был обратить особенное внимание на «возможные якорные стоянки» на восточном берегу Каспийского моря, изучить острова Астрабадского залива, выяснить границу между Персией и Туркменией. Особенное значение придавалось «определению прежнего течения Аму-Дарьи»: «польза» от возможного изменения этого течения «для нас была бы неисчислимою, ибо через нее открылось бы прямое сообщение с Хивой»¹. Выйдя из состояния «зрителя», Родофинкин со своей стороны поручил Карелину выяснить степень судоходности Аму-Дарьи и возможность заселения островов Астрабадского залива². Основной же лейтмотив наставлений Родофинкина заключался в указаниях на необходимость «обеспечения возможной осторожности при сношениях... с кочующими по восточным берегам Каспийского моря киргизами и туркменами и... ласкового с ними обхождения, чтобы тем самым более и более укоренять в них любовь, преданность и доверие к России». В ответ на просьбы туркмен о принятии их в российское подданство следовало, «не отклоняя подобного с их стороны домогательства, а, напротив, поддерживать их в сем намерении, стараться побудить их к попыткам деустанов в Россию»³.

Экспедиция задержалась вследствие болезни Карелина, который приехал в Астрахань только в ноябре 1835 г. Дело пришлось отложить до весны. В конце мая 1836 г. экспедиция в составе 75 чел., при трех орудиях, на двух купеческих судах с погруженными на них товарами и подарками была готова к отплытию из Баку⁴. В двадцатых числах мая экспедиция была уже в Красноводском заливе. Затем она осмотрела острова Челекен и Огурчинский и все юго-восточное побережье вплоть до персидской границы. 29 июля 1836 г. Карелин писал Канкрину донесение, находясь уже в устье реки Багу в Астрабадском заливе. В августе было закончено обследование юго-восточного побережья. Экспедиция продвигалась к северу вдоль побережья в обратный путь; в сентябре были обследованы Балханские горы и Карабугазский залив, в начале октября — Киндерлинский залив, потом — Александр-Бай, Тюп-Караган, 14 октября суда экспедиции бросили якорь против Главного карантинного пристани устьях.

Экспедиция везла с собою богатые коллекции по зоологии и ботанике, материалы астрономических наблюдений, топографических, этнографических и статистических изысканий. Участники везли также большие и увлекательные проекты и планы экономического и политического порядка. Они возвращались обогащенные опытом непосредственного общения с народом, до того так мало изученным, который мог и должен был сыграть значительную роль в реализации этих планов.

¹ МИД, Гл. арх., I—9, 1835—1839, № 3 — от 13/VII, 1835 г., лл. 38—43.

² Там же, лл. 54—55.

³ Там же, лл. 63—64.

⁴ «Записки Русск. географ. общ.», IV, стр. 1—8, СПб., 1850.

III

И Карелин и Вларамберг отмечали в своих донесениях¹, что восточные берега Каспийского моря от Тюп-Карагана до Гасан-Кули, представляющие безводную и бесплодную пустыню, где «скитается редкое и полуварварское население» и где нет удобных якорных стоянок, «так ничтожны... что не заслуживают никакого внимания». Заслуживало внимания, по мнению участников экспедиции, только юго-восточное побережье Каспийского моря, отличающееся природными богатствами, имеющее защищенные гавани, населенное многочисленным племенем туркмен-номудов.

Туркменский вопрос, как мы видели, не был новым для парского правительства. Туркмены — и не только мапгышлакские, но и туркмены-номуды — были знакомы царскому правительству не только по наслышке. «Если туркмены составляют народ, — писал Ермолов Нессельроде еще 31 августа 1819 г.², — покоряющийся какой-либо власти, если, по образцу многих азиатцев, они не разлучены на разные независимые общества, то в продолжение некоторого времени, с кротостью и терпением и ежегодно их посещая, можно будет сделать прочные с ними связи и можно утвердить оные, удовлетворяя посредством торговых сношений недостатку в первых потребностях жизни... К хорошему для нас началу довольно бедности их в хлебе, а мы избыточествуем оным». Посланный в том же году для осмотра восточного побережья Каспия майор Пономарев характеризовал туркмен как «народ безначальный в полном смысле слова: «никто ими не управляет и нет у них никакой власти, следовательно, и сношений политических у них не существует».

Единший туда же повторно в 1821 г. кап. Муравьев, получивший от Ермолова задание «склонить туркмен к признанным отношениям с Россией», составил, как известно, после поездки подробное описание положения туркмен-номудов. В основном он повторяет тезисы Пономарева, но дополняет его краткой характеристикой господствующих у туркмен социально-экономических отношений. Он говорит об отсутствии у туркмен единой политической власти, о делении каждого племени на роды с фактической властью, осуществляемой родовыми старшинами-аксакалами, о номинальном характере власти ханов, получающих свое звание преимущественно от персидских властей. Определяя туркмен как «народ кочевой, разбойнический, без промышленности, без нравственности», Муравьев приводит, однако, и ряд таких данных, которые несколько противоречат этой наивной и слишком упрощенной характеристике. Оказывается, среди туркмен были распространены выделка ковров, изготовление серебряных изделий, чеканка монеты, рыбные промыслы; некоторые же роды занимались и земледелием, используя при этом труд невольников — военнопленных³.

Вларамберг считал характеристику, данную туркменам Муравьевым, в основном правильной и со своей стороны дополнил ее новыми данными. Вларамберг уточнил имевшиеся в русских архивах статистические сведения о количестве народонаселения в туркменских степях. Он дал ориентировочную цифру в 308 200 кибиток с 1,5 млн. душ для всех туркменских племен. Из насчитанных им двенадцати

¹ МИД, Гл. арх., I—9, 1835—1839, № 3, лл. 96—99 и 130—135 — Письмо Карелина Канкрину от 14/XI 1836 г., рапорт Вларамберга от 31/XII 1836 г.

² ЦВИА, оп. 1773, к. 87, с. 3563, л. 9.

³ И. Муравьев. Указ. соч., стр. 1—50.

туркменских племен или «поколений» он собрал сведения преимущественно об иномудях, у которых показал 33 330 кибыток и около 160 тыс. дуп. Картина, нарисованная им, говорила о том, что и господствующий еще, но разлагающийся родовой строй туркмен явственно впитались нарождавшиеся и укреплявшиеся феодальные отношения. Бларамберг подтверждал вместе с тем, что после русско-персидской войны 1813 г., сילותишей туркменских племена в общих военных действиях против персов, это временное единство распалось, туркмены поколений гоклан и теке попали в зависимость от персов, бывший начальник объединенных туркменских войск Султан-хан удалился в Хиву, и туркмены-иномуды обособились таким образом от прочих туркменских племен.

Бларамберг разделял иномудов по роду занятий на три группы — оседлых, занимающихся хлебопашеством (чумур), кочевников-скотоводов (чарва) и прибрежных туркмен, занимавшихся рыбным промыслом и добычей и продажей нефти и соли (огурджали). Туркменские роды, которые жили около Балханского залива, находились, по наблюдению Бларамберга, в экономической зависимости от Хивы, получая от нее хлеб; приатреке же туркмены экономически и политически были связаны главным образом с Персией (продажа соли и нефти на персидских рынках, кочевка по обоим берегам Атрека). Налоги и повинности, которыми стремился облагать хивинский хан балханских туркмен, пограничные трения и конфликты (особенно из-за торговли персидскими пленными), все учащавшиеся у приатреке туркмен, приводили к тому, что первые «злостововали на хаха», а вторые «питали врожденную ненависть к персам». Заметим попутно, что ни Бларамберг ни другие российские наблюдатели того времени не оставляли своего внимания на притязаниях, какие в отношении некоторых туркменских племен проявлялись со стороны бухарских эмиров¹. Ясно, однако, и что отмеченные обстоятельства создавали почву, достаточно благоприятную для того, чтобы многие туркменские старейшины и акакалы стали сторонниками русской ориентации.

Происходивший в закаспийских степях процесс феодализации туркменского общества в период усилившейся колониальной экспансии царизма на Среднем Востоке открывал перед влиятельными туркменскими феодалами новые перспективы, ставя проблему о «покровительстве» и подданстве. Одновременно он всеял в проводников царской политики на Востоке надежды на возможность использования туркмен в интересах своей активной политики.

Среди наиболее влиятельных туркменских старшин Бларамберг называл несколько имен: на о-ве Челекен и в Гасан-Кули Кият-хана с сыновьями Якиши-Могамедом и Кадыр-Могамедом; в Гюмюш-Тепе — Аман-назари и Мемед-сердара; внутри страны — Казы-Могамед-Тагича и Черкес-хана. Исключительно крупное значение в эту пору приобрела для царского правительства личность Кият-хана, особенно как представителя прибрежных туркмен. Имя его было известно еще с 1813 г., когда он приезжал в Тифлис в качестве депутата от Султан-хана для переговоров о совместных действиях против персов. В 1819 г. он как гасан-кулинский старшина встречает экспедицию Пономаренко и Муравьева и находится безотлучно при них во все время работ экспедиции. Вместе с ними в сопровождении своего сына Якиши-

¹ Характерен такой факт, как отделение мервских туркмен от Бухары в 1822 г. и добровольное подчинение их Хиве. См. В. Бартольд. К истории «оросения» Туркестана, стр. 20.

Могамеда он едет в Тифлис, знакомится с Ермоловым, ведет с ним переговоры о принятии туркмен в российское подданство. В следующем году мы его застаем в Баку, откуда он отправляется на родину на одном судне с едущим во вторую экспедицию Муравьевым. Как отмечал последний, в ведении Кията тогда было до 80 семейств, но «власть и влияние его начали увеличиваться: он располагал жителями Челекена и островов в Балханском заливе и имел значительное влияние в советах старшин туркменских, живущих на Атреке и Гюргене»². Осенью 1835 г. Кият снова в Тифлисе. Он запросто беседует с главнокомандующим Грузии, просит его содействия в своем тяжёлом деле с астраханским рыбопромышленником Мир-Багировым. «Я не полагал излишним», — писал по этому поводу бар. Розен Пессельроде, — при отправлении Кият-бека сделать ему подарки, ибо старшина сей, сыновья которого хорошо говорят и даже читают по-русски, всегда отличался готовностью быть нам полезным, и тем более я нужным почел отправить его довольным, что он может быть полезен для промышленников наших при берегах туркменских»³. Повсюду у нищеты туркмен, их «алчности к деньгам» и прочих «отрицательных» свойствах, Бларамберг замечает: «Кият-хан с семейством не походит на других туркменцев. Почтенный старик сей в продолжение 25 лет неоднократно доказал преданность свою к нашему правительству; сыновья его Якиши и Кадыр-Могамед довольно хорошо воспитаны и понимают всю пользу от преданности их к России»⁴.

Высадившись в Гасан-Кули, владении иномудов, экспедиция Карелина была дружелюбно встречена сыновьями старика Кията. Эта встреча была ознаменована угощением, подарками, пушечной пальбой. Через две недели экспедиция встретилась с самим Киятом. За ужином шли разговоры о рыбных промыслах, о торговле, о контрактах с русскими рыбопромышленником Герасимовым. Все вопросы были быстро улажены к общему для всех удовольствию.

А еще через два месяца переводчик экспедиции воспроизвел со слов Якиши-Могамеда и скрепил печатями прошение туркмен к царскому правительству. «Ниже на общем совете ханов, казны и почтеннейших людей рассудили, — значилось, между прочим, в прошении, — что, хотя народ иномудский силен..., но кругом нас соседи-неприятель. Наши собратья других родов признают власть Хивы или Персии и потому часто нас беспокоят». Указав, что эти «собратья» — изменники, протесты продолжали: «Мы сильны числом и храбростью, но слабы согласием, умом и порядком. Нам надобно великого покровителя, который бы из всех иномудов сделал одну душу и тело». Иномуды выра-

¹ Н. Муравьев. Указ. соч., стр. 1—50.

² МНД. Гл. арх., 1—9, 1835—1840, № 12, л. 2—3 — Отношение Розена Пессельроде от 7/Х 1835 г., № 689. В своем отношении Родиошкину от 25/Х 1836 г. за № 1583 Перовский, между прочим, писал: «Туркмен Кият, сын простодовца, бывавший в Астрахани и знавший несколько по-русски, как сметливый и расчетливый человек, обратил свое внимание на Челекене. Поездка в Астрахань, изучение русского языка и предпринимательство его дали ему некоторый вес между единоверцами его. Он поговорил несколько туркмен бежать от старшин своих и поселиться в Челекене. Здесь он был избран старшиною нового поселения и вслед за тем удачно воспользовался путешествием г. Муравьева; чтобы упрочить могущество свое или придать себе более силы и веса, Кият перед туркменами хвастался дружественными сношениями своими с русскими, а последний уверял в значительности и важности своей между первыми. Оказавшее Кияту за услуги эти правительством нашим внимание, а наконец и поездка его, Кията, в Тифлис, окончательно утвердили за ним самопроизвольное владичество над островом, на котором не имеет он никакого права» (МНД. Гл. арх., 1—9, 1836—1864, № 5, л. 30—31).

³ «Записки Русск. географ. общ-а», IV, стр. 96—105, СПб., 1850.

жалли надежду, что наравне с казахами будут освобождены от податей и оставлены при своем законе. Они просили присылать русских купцов и разрешить привоз оружия. Народ номудлы за это обязуется под присягой служить государю и быть послушным. В случае войны с Персией или Хивой номудлы выставят за свой счет 10 тысяч конницы. Они будут поставлять каменную соль по 12 коп. за пуд, провозить русские караваны до Мешода и других мест, отдавать рыбные ловли только русским купцам. Номудлы просили разрешить отправить в Петербург своего представителя¹.

В лице туркменской феодально-родовой верхушки царское правительство, казалось, нашло удобное орудие для осуществления своих целей. Призыв от туркмен прошение, Карелин сказал, что его компетенция чисто торговая, но он передает просьбу царю. В тот же день он отправил в Петербург донесение с препровождением ходатайства туркмен-номудов. «Трухмен сих, — писал он, — до 150 тыс. душ обою пола, они кочуют по восточному побережью Каспийского моря на пространстве 300 верст; земля плодородна и орошена разными реками; они могут выставить 20 тыс. конницы и на судах до 1500 чел. Выгоды для России могли бы быть следующие: торговля, рыболовство и даровое в войне с Персией или Хивой войско. Содержать их в повиновении не трудно, через посредство старейших, которых легко привязать небольшими подарками». «Верить трухменам, — заключал Карелин, — и положиться на них невозможно... Если правительство удостоит внимания просьбы трухмен, то необходимо укрепление, для которого выгоднейшее место на самой границе Персии, у Астрабадского залива, где лучшая гавань во всем Каспийском море»². Царь на поставленный перед ним вопрос ответить сразу не мог и на поданной ему выписке из донесения Карелина сделал помету: «Переговорим».

В результате экспедиции Карелина в министерстве иностранных дел, как и в министерстве финансов, собрался большой материал, заслуживающий тщательного изучения. Посланная с целью торговой и военно-политической разведки экспедиция пришла к следующим заключениям. Выезды разговоров о каких-либо предприятиях на восточном побережье Каспийского моря от Тюп-Карагана до Гасан-Кули надо оставить; безводная и бесплодная пустыня, где «скитается редкое и полудикое население» и где нет надежных акорных стоянок, не заслуживает никакого внимания. Все внимание надо направить на побережье к югу от Гасан-Кули до Астрабада: здесь есть удобные гавани и хорошие акорные стоянки; здесь есть нефтяные богатства — в 1835 г. туркмены вывезли с о-ва Челекен в Персию до 135 тыс. пуд. нефти; здесь есть залежи каменной соли — гасан-кулинские туркмены продали в том же году до 186 тыс. пуд. е³; здесь имеются богатейшие рыбные промыслы: астраханский купец Алексей Михайлович Герасимов еще в 1835 г. обосновался в водах приатрекских туркмен, взяв у них на откуп рыбные промыслы и этим «своим прекрасным начинанием определил выдвиг правительства на торговлю и промышленность с туркменами»⁴.

¹ МИД, Гл. арх., I—9, 1836—1856, № 2, л. 227 — Промение датировано 20 июля 1836 г.

² Там же, л. 226 — Выписка из донесения Карелина от 20/VII 1836 г., № 107.

³ Записки Русск. географ. общ., X, стр. 434—451; МИД, Гл. арх., I—9, 1835—1839, № 3, лл. 139—135 — Репорт Бларамберга военному министру от 31/XII 1836 г.

⁴ МИД, Гл. арх., I—9, 1835—1839, № 3, лл. 174—175 — Письмо Карелина Родовичу от 28/III 1836 г.

Астрабадский залив, лучшая гавань Каспийского моря, находится в ближайшем соседстве с богатыми странами, которые могут быть потребителями русских промышленных товаров. 80-дневный караванный путь от Оренбурга до Бухары и Балха сокращается вдвое; к этому присоединяется возможность доставки товаров морем от Астрахани. «При столь утешительном событии, — писал Карелин, — каких бесчисленных блестящих выгод может ожидать российское купечество от учреждения правильной торговли через Астрабад... По выгодному своему положению он есть коммерческое солнце Каспия, от которого истекают торговые лучи в богатейшие государства Западной Азии... Астрабадский залив с окрестною страной есть то место, которое в высочайшей степени может осуществлять самые блестящие надежды»¹.

К сказанному Карелиным Бларамберг добавлял, что освоение юго-восточного побережья Каспийского моря создаст базу, важную не только в торговом, но и в военном отношении, приведет к утверждению господства российского флота на Каспийском море и к упрочению русского влияния среди туркмен; «в случае же войны с Персией или Хивой номудлы могут быть нам весьма полезны»². И Карелин и Бларамберг указывали также на важность нового торгового пути, в виду «неминуемого упадка нашей торговли в Западной Персии от усиленных ввозов англичан в Черное море через Малую Азию». Развитие русской торговли через Астрабад приведет к «сближению» России с народами, сопредельными с Индией, а так как последние живут под страхом возрастающего могущества англичан, непрерывно расширяющих свои владения, «не прибегая к силе оружия, величественный исполин Россия одним нравственным влиянием может поставить ее (Англию. — А. П.) на край политической гибели»³. «Если Англия через несколько лет, — писал в свою очередь Бларамберг, — продолжит себе путь через Суэцкий перешеек, чтобы приблизиться к своим владениям в Индии, если Франция предпринимает постройку многочисленных пароходов, чтобы оживить свою торговлю с Левантом, если даже Австрия посредством учреждения пароходства на Дунае пытается стать ближе к Востоку, Россия, которой промышленность и торговля получили такое блестящее развитие в настоящее царствование, ... не должна отставать и должна приложить все усилия, чтобы возродить свою древнюю торговлю со Средней Азией и с пограничными с Индией владениями посредством самого короткого и самого выгодного пути, т. е. через Астрабад»⁴.

Какие практические мероприятия намечались для достижения этих целей? По мнению участников экспедиции, план действий в основном должен был сводиться к следующему: образовать «при мощном содействии правительства» торговую компанию⁵ и занять один или несколько пунктов неподалеку от Астрабада; «это могло быть совершенно через взятие на откупное содержание рыболовных вод персидских прибрежий Астрабадского залива, где под видом учреждений ватаг

¹ Записки Русск. географ. общ., X, стр. 161—173 и 434—451.

² ЦВИА, ВГА, № 25202, лл. 31—33 — Репорт Бларамберга Шуберту от 19/III 1836 г. и лл. 117—121 — Репорт его же Чернышеву от 31/XII 1836 г.

³ Зап. Русск. географ. общ., X, стр. 168—173.

⁴ МИД, Гл. арх., I—9, 1835—1839, № 3, лл. 130—135 — Репорт Бларамберга от 31/XII 1836 г.

⁵ Астрабад, как потенциальное «складочное место всей азиатской торговли», находилось, по словам Карелина, «в самом жалком забросе», и «астраханское купечество в настоящем составе своем было вовсе неспособно осуществить задуманную торговлю».

и рыболовных заведений можно мало-по-малу усилить ввоз товаров». В числе пунктов, которые предполагалось записать, указывался прежде всего небольшой и необитаемый остров Огурчинский¹ (в 200 верстах от Астрабадского залива), располагавшийся якорными стоянками, пресной водой и богатый каменной солью и телятами. Далее намечалось соседний с ним остров Челекен, славившийся своими нефтяными богатствами и, по словам Карелина, составлявший угрозу бакинской нефтяной промышленности. Имелась также в виду возможность занятия, по соглашению с персидскими властями, одного из пунктов на побережье самого Астрабадского залива (в устье небольшой реки Багу). Наконец, особенно рекомендовалось занятие небольшого и тоже необитаемого острова Ашира, расположенного недалеко от входа в Астрабадский залив; здесь проектировалось завести ватаги (помещения для жилья рыбопромышленников и для складки рыбы и рыболовных снастей), соорудить вал для защиты от нападений, свезти с судов несколько фальконетов, а со временем и большего размера пушки. Рекомендовалось начать с занятия островов Огурчинского и Челекена; это можно было сделать, «не прибегая к крутым мерам, единообразную платую или пожалованием пожизненного пенсина не многим туркменам». Утвердившись в туркменских водах, монополизировать торговлю с туркменами, парализовав деятельность туркменской флотилии, совершавшей частые набеги на персидские берега, столь малозначительной и одновременно «столь страшной для персиян», царское правительство «сним обременением могло бы в виде вознаграждения требовать от Персии новых и выгодных условий относительно занятия рыболовных вод ее, а, следовательно, приведения в исполнение вышеозначенного коммерческого плана».

Намечавшийся участниками экспедиции план действий в основном, повидимому, получил благоприятный отклик в правительственных кругах. Еще на полях одного из ранних рапортов Вларамберга военному министру² по вопросу об использовании туркменских рыбных вод в министерстве была сделана пометка: «Можно бы согласиться с Персией очистить море от разбойников за какие-нибудь выгоды». Рапорт же Вларамберга от 31 декабря 1836 г. на имя военного министра, где шла речь о необходимости основать в астрабадских водах военно-торговую факторию и учредить в дальнейшем крейсерство в Астрабадском заливе и где срочность этих мероприятий мотивировалась усиливающимся соперничеством Англии³, так заинтересовал царя, что Чернышев решил внести поставленные Вларамбергом вопросы в Азиатский комитет.

Равным образом проявлял интерес и министр финансов. В феврале 1837 г., когда экспедиция Карелина уже закончилась и в основном можно было отдать себе отчет в ее результатах, Канкрин, ссылаясь на парализованное иностранным соперничеством состояние русской торговли в Персии и Азиатской Турции, указывал на юго-восточный берег Каспийского моря как на направление, в котором нужно искать выхода из создавшегося положения. Он говорил о необходимости «учредить там российскую факторию по примеру как англичане имеют таковую в Вендер-Вушпире». Он намечал Астрабад

как «наивыгоднейшее для сего место» и ставил перед министром иностранных дел вопрос о вступлении в переговоры с персидским правительством по этому делу⁴. В течение четырех месяцев Канкрин не получал ответа из министерства иностранных дел. В июне 1837 г. Канкрин снова запросил министерство иностранных дел, адресовавшись теперь к Родофинкину⁵. Ему пришлось ждать ответа еще около двух месяцев. Нессельроде и его фактотум по азиатским делам Родофинкину не торопились. Признавая, что Астрабад, «указанный торговле Петром Великим», «имя приятное русскому уху», Родофинкин считал, что некогда многолюдный и богатый город теперь превратился «в деревню», но что «сие... запустелое место, не представляющее теперь никакой надежды найти местных потребителей для наших произведений, содержит в себе семена не скорой, но богатой и обширной промышленности». Чтобы получить плоды от сих семян, — рассуждал Родофинкин, — нужны терпение и крайне благоразумная осторожность, ибо малейшая опрометчивость разрушит все надежды не только на долгое время, но может быть и навсегда⁶. Торговле с туркменами он придавал еще меньше значения, нежели торговле с астрабадскими персами. «Дело идет о торговых сношениях с Азиею через восточный край Каспийского моря», — писал он (по другому поводу) Канкрину, — торговля с самими туркменами, обитающими по восточному берегу Каспийского моря, не может быть значительна, а потому не может сделаться главным предметом внимания правительства нашего⁷.

Призванный к тому, чтобы учитывать и преодолевать все политические и дипломатические препятствия, стоявшие перед царской Россией на пути ее продвижения в Азию, директор Азиатского департамента не упускал, однако, из виду второстепенного вопроса — о туркменах. Прибывшему с Карелиным в Астрахань по коммерческим делам старшему сыну Кият-хана Кадир-Могамеду он выхлопотал у царя разрешение на проезд в Петербург, «так как сим случаем можно бы воспользоваться, чтобы войти в ближайшие и полезные связи с туркменами». Он только потребовал от Карелина, чтобы Кадир выехал один, «без отъезда», и потом в пути незаметно снова присоединился к начальнику экспедиции⁸. Кадир должен был передать царю ходатайство туркмен номуздского племени о принятии их в подданство России. Так как окончательное разрешение этого вопроса снова отложили, решено было сына Кията в Петербурге долго не задерживать и, «обласкав его здесь и одарив, отпустить потом обратно». Кадиру выдали 300 червонцев на путевые издержки, кияладскую 2—3 тыс. рубль, «2 половинки хорошего сукина и 10 кусков другого разноцветного ситца... дабы вводить между туркменами охоту к употреблению российских мануфактурных изделий»⁹.

¹ МИД. Г. арх., II—3, 1836, № 5, ч. I, лл. 2—3 — Отношение Канкриня Нессельроде от 27/II 1837 г., № 620.

² Там же, л. 4 — Отношение Канкриня Родофинкину от 22/VI 1837 г., № 2211.

³ Там же, л. 9, 1836—1836, № 2, лл. 219—225 — Записка, озаглавленная «Мнение Родофинкина». На полях приписка: «Не было читано в Комитете». Дата отсутствует; относится, повидимому, к концу 1837 — началу 1838 г.

⁴ Там же, 1835—1839, № 3, лл. 162—165 — Отношение Родофинкина Канкрину от 14/XI 1837 г., № 2816.

⁵ Там же, л. 9, 1835—1839, № 3, лл. 100—101 — Отношение Родофинкина Канкрину от 17/XI 1836 г., № 2592; лл. 108—110 — Отношение Нессельроде Темряеву от 7/X 1836 г., № 2594; там же, л. 1, 1836, № 78 — Всеподданнейший доклад от 17/XI 1836 г.

⁶ Там же, л. 1, 1837, № 79, лл. 80—81 — Всеподданнейший доклад от 24/VI 1837 г.

¹ Имевший 36 верст в длину и 2½ версты в ширину; только зимой на нем временно проживали отдельные туркменские семьи.

² ЦВИА, ВУД, № 25202, лл. 139—143 — от 25/VII 1836 г.

³ «Если мы опоздаем принять энергичные меры, — писал Вларамберг, — мы рискуем многим, ибо англичане являются нашими очень опасными соперниками, благодаря новой открытой ими для своей торговли дороге через Треннзонд».

Медленные темпы в переписке с министерством финансов, которые снова стало обнаруживать дипломатическое ведомство и которые так первернули точного и аккуратного Канкрин, не были случайны. Кунктаторская политика руководителя Азиатского департамента в астрабадском вопросе объяснялась общей конъюнктурой на соседнем афганском участке, определявшейся, в свою очередь, положением дел не только в Азии, но и в Европе.

IV

Распадение Европы в середине 30-х годов на два, борющихся лагеря — Мюнхенский тройственный союз, с одной стороны, и создавшийся вокруг пиренейских дел Четверной союз, с другой — было не продолжительно. Оно не могло быть продолжительным уже по одному тому, что база Четверного союза — новый англо-французский союз — уже не был союзом друзей, как в 1830 г., когда он держал в напряжении всю Европу. Несмотря на присутствие в составе парижского кабинета старого ненавистника Священного союза герцога де Броуля, Людовик-Филипп начинал тяготеть к клерикальным монархиям и вел секретную переписку с Меттернихом. Сближение Людовика с Австрией означало удаление его от Англии. Африка, которая однажды уже сыграла роль черной дышки, пробежавшей между Парижем и Лондоном, теперь через те же Алжир и Египет взрыхла восточный вопрос с новой силой и приводила обоих союзников к дипломатическому барьеру.

В этих условиях должны были замолкнуть до того громко раздававшиеся в Лондоне «крики о войне с Россией»¹ и утихла кампания вокруг польского вопроса². Когда же на одном из заседаний Палаты общин, в феврале 1836 г., ряд ораторов под флагом защиты Польши пытался проталкивать идею необходимости борьбы с опасностью русского царизма и войны с Россией, Пальмерстон заявил, что никакой опасности миру со стороны России не угрожает, и что Уникар-Ниселеский договор превращается в «мертвую букву»³.

«Восточный вопрос», — писал русский посланник в Лондоне, характеризовавший англо-французские отношения, — главный фактор, определяющий позицию двух морских держав. Они обоим смотрят на нас с недоверием, но не доверяют также друг другу, ибо, если бы крупное потрясение... постигло Османскую империю, их первую задачей было бы наброситься на нас, а затем при присоединении награбленного они не спустились бы глаз друг с другом»⁴. Отстаивать уникар-ниселеские достижения против соединенных сил Англии и Франции царизм был не в силах.

Посылательства на целост Турцию со стороны Мехмета-Али, явственно руководимого из Парижа, определяли политику петербургского кабинета, готового идти на сделку с Лондоном даже за счет своих собственных притязаний на Турцию. В марте 1836 г. в Петербурге было подписано соглашение с Портой, по которому царь освобождал султана от части тяготившего над ним долга и обязался вывести свои войска из Силистрии. Соглашение это было заключено по инициативе Англии. Ближневосточный вопрос сближал двух

старых противников и заставлял царскую дипломатию думать не только о борьбе с Англией, но и о сотрудничестве с ней.

Два года спустя, в 1838 г., одному из видных царских дипломатов того времени, Бруннову, было поручено ввести наследника в круг основных вопросов внешней политики царизма. Бруннов составил обширную записку, представлявшую обзор политики петербургского кабинета за время после воцарения Николая I⁴. Воспитанный на идеях Священного союза, сторонник «концертной» западноевропейской политики, Бруннов к активной русской политике на Востоке и, в частности, к таким актам, как присоединение Крыма и Грузии к России, относился с значительной долей скептицизма. Однако он добросовестно подытожил основные достижения внешней политики царизма за последнее десятилетие — в деле «обуздавая» Францию, несущей «революционную заразу», и в турецком вопросе.

Разрешение обоих этих вопросов на первом этапе привело к выходу из сложившейся после наполеоновских войн четверной Антанты конституционной Англии и к созданию охранительного союза трех монархических государств. Правда, «союзники... походят на трех путешественников, различных по возрасту и силе, которые идут вместе одной дорогой», но которым «трудно идти нога в ногу»; «сильнейшему» приходится «замедлять свой шаг», чтобы не дать своим спутникам отстать от него. «Умеренность» и «миролюбие» необходимыми тем более, что разложение англо-французского союза лишь вопрос времени; оно избавит Россию от крупнейшей опасности, грозящей ее политике в Турции. Турецкий вопрос, — подчеркивал автор записки, — «самый важный вопрос европейской политики». Бруннов провел читателя через все вопросы европейской политики и дал анализ международного положения всех европейских государств, больших и малых. Он определял позицию царской России в отношении каждого из них в отдельности и всех, вместе взятых. Уделяя известное место вопросу о Польше, придавая важное значение борьбе с революционным движением, Бруннов строил свою концепцию прежде всего в плане задач, стоящих перед царской Россией на Ближнем Востоке. Наступление на Ближнем Востоке являлось у него той доминантой, которой, очевидно, должны были подчиняться прочие внешне-политические задачи царизма, его экспансия на других фронтах. Положения на этих других фронтах Бруннов не считал нужным касаться. Намечая только светлые дипломатические миссии, популяризации Бруннова оставалась в стороне многие детали. Это не означало, разумеется, что этих деталей в действительности не было. Они были прежде всего в средне-азиатской политике царизма, той политике, которая прежде всего и больше всего затрагивала интересы именно Англии. Касаясь вопроса об англо-русских отношениях, Бруннов несколько упомянул, что английский «общественное мнение» живет под страхом овладения Россией не только Константинополем, но и Британской Индией. Но как побывавшие недавно в Петербурге лорды Дорсем и Лондондерри уверились в миролюбии царя, так, — заключал царский дипломат, — должна увериться в том и вся Англия.

Усилившаяся в первой половине 30-х годов английская экономическая экспансия в Персии шла параллельно энергичному политическому наступлению, которое повела Англия в Средней Азии, опираясь на свои индийские владения. Объектом этой агрессии явились

¹ МИД, К., Лондон, 1836, № 127—128, лл. 42—46 — Делема Поццо ди Борго от 21/II 1836 г., № 4.

² Там же, лл. 60—64 — Делема его же от 26/II 1836 г., № 6.

³ Там же, лл. 107—117 — Отчет о заседании Палаты общин 19/II 1836 г.

⁴ Там же, лл. 410—413 — Делема Поццо ди Борго от 5/V 1836 г., № 47.

страны, лежащие к северу от Инда. Останавливая рост владений магараджи Пенджаба Ренджит-Синга в южном направлении и укрепляя дружбу с ним, англичане направляют его энергию на северозапад. Одновременно они делают попытку укрепить свои политические позиции в Персии. В течение 1835 г. английский посланник в Тегеране Эллис ведет с шахским правительством переговоры, добиваясь взаимности 5% пошлины с английских товаров, свободного плавания по персидским водам и права назначения консулов во все города Персии, имея в виду прежде всего Астрабад. Этот последний вопрос особенно волновал царское правительство, и на одном из доносов русского посланника в Тегеране на эту тему царь сделал пометку: «Надо предписать гр. Симоничу всеми силами избежать этого»¹. Русское влияние в Тегеране оказалось достаточно сильным: шах отклонил настояния англичан, уступив им (май 1836 г.) только в вопросе о пошлинах и приравняв условия ввоза английских товаров к условиям, принятым для русских².

Но главное внимание английского правительства было обращено в ту пору не на Персию. Еще после своего путешествия по Средней Азии в 1831—1833 гг. лейтенант остидский служб Александр Бернс, сравнивая значение Персии для англичан со значением, какое может получить в будущем Кабул для английской торговли и «защиты Индии», приходил к заключению: «Если бы обстоятельства сблизили нас с Кабулом теснее, нежели с Персией, то мы там приобрели бы себе более близких, верных и полезных союзников, чем мы имеем в последней стране. Наконец, мы не истратили бы и 1/10 доли того, что мы так щедро расточали в Персии»³.

Известно, что со второго десятилетия XIX в. Афганистан вступает в полосу резко выраженного феодального распада. К 1820 г., после падения династии Садов, государственное единство перестает там существовать. Владения, входившие прежде составными частями в афганское государство, начинают жить каждое своей собственной политической жизнью. Примыкавшие к Афганистану провинции завоевываются Ренджит-Сингом, который покори и богатую Кашмирскую провинцию. В Герате властвует Камран-мирза, сын свергнутого Махмуд-шаха афганского. В Кабуле, Пешаваре и Кандагаре воцаряются представители новой династии Баракзи — Дост-Могамед, брат его султан Могамед-хан и племянник их Коген-диль-хан⁴. Правители враждуют между собой, ослабляя друг друга. Пешавар уже платит дань Ренджит-Сингу. Герат — под ударами Персии, которая не раз облагала его данью. Кандагар уже объявил себя вассалом шаха персидского. Наиболее сильным и независимым был умный и энергичный правитель Кабула⁵, кандидат в «собратели» афганской земли. Однако независимость его была поставлена в узкие рамки англо-русского соперничества и выражалась в том, что он мог выбрать себе в друзья либо Россию либо Англию; без одного из этих друзей обойтись он не мог. Неприветлив Пенджаба, Дост рвался к единорвету с Ренджит-Сингом, но скоро убедился в том, что его не дадут в обиду англичане, что в проводимой ими политике

барьеров в борьбе с царской экспансией они избрали Пенджаб своим орудием и в данное время нимало не скорбят об ослаблении и распаде Афганистана⁶. Мало того, он убеждался, что англичане восстанавливают против него правителей пешаварского и кандагарского и даже дают принят и откармливают для своих нужд свергнутого шаха Шоджу-уль-Мулька. Впоследствии, когда Дост был вынужден зайти с англичанами, он уверил, что письма к Николаю I он никогда не писал и что опубликованное в английской печати письмо его к царю было подложное. Вопрос о подлинности этого письма остается по сию пору открытым, но самый факт отсылки Достом письма Николаю можно считать установленным.

Известно во всяком случае, что Виткевич, ездивший в Кабул еще в 1835 г., писал тогда, что «владелец Кабулистана нищет покровительство России и готов сделать в пользу нашу все, что от него потребуют»⁷. Известно также, что в ноябре 1836 г. прибывший в Россию под видом купца посланец Доста Гуссейн-Али вел с Нессельроде переговоры о совместных кабульско-бухарских действиях против англичан⁸. В своем докладе царю 19 декабря 1836 г. министр иностранных дел так обрисовал положение, создавшееся в Средней Азии в связи с усилением английской агрессии: прибывший в Петербург кабульский посланник просит помощи против Англии и против ее агентуры — Ренджит-Синга; в то же время прибывшие в Тегеран посланцы кабульский и кандагарский просят шаха принять их страны под свое покровительство; оренбургский ген.-губернатор считает желательным оказать помощь афганцам, послан науку и сундо для обмундирования армии; шах готов исполнить просьбу правителей соседних стран. «Домогательства англичан, — говорится в докладе, — почти явны, и, если они в этом успеют, то, как замечает гр. Симонич, влияние наше в Средней Азии рухнет и торговля придет в упадок, для чего и полагает, что непременно нужно убедить персидского шаха в необходимости покорить Герат, ибо тогда весь Афганистан будет в руках персизм»⁹. Так как шах издавна склонен был считать Афганистан своим вассальным владением, царское дипломатическое ведомство не возражало против выступления шаха в роли защитника и покровителя Афганистана и давало Симоничу общую директиву содействовать теснейшему сближению между двумя странами¹⁰. Известно, наконец, и то, что в мае того же 1837 года Гуссейн-Али покинул Петербург в сопровождении пор. Виткевича, который вез с собой подарки владетелям Кабула и Кандагара, а первому также высочайшую грамоту «в ответ на письмо его» царю¹¹.

Секретная инструкция, которую снабож был Виткевич, в основном сводилась к следующему: «Забедивши афганских владетелей в пользу тесного их между собою соединения, объяснить им и необходимость пользоваться благосклонностью и покровительством Персии..., которая, признавая их своими вассалами, стояла бы в обязанности заступиться за них; Россия по дальности расстояния не сможет оказать

¹ Correspondance de Victor Jacquemont pendant son voyage dans l'Inde en 1831—1832, II, pp. 197—199.

² ЦИВА, ВУА, № 50895, лл. 3—9 — Записка Виткевича, не датированная.

³ М. Д. арх., 1—1, 1836, № 78, лл. 105—106 — Всеподданнейший доклад от 29/XI 1836 г.

⁴ Там же, лл. 108—109 — Всеподданнейший доклад, утвержденный 19/XII 1836 г.

⁵ Там же, 1837, № 79, лл. 40—46 — Проект письма Симоничу, утвержденный 30/III 1837 г.

¹ На депеше Симонича от 6/III 1835 г.; см. Арх. МИД, К., Тегеран, 1835, № 237, лл. 109—111, 143—146, 176—177 и сл.

² Там же, 1836, № 204, лл. 7, 13—19, 38—49, 57, 293.

³ А. Бернс. Путешествие в Бухару, III, стр. 447.

⁴ М. Д. арх., 1—9, 1834, № 20, лл. 61—75 — Записка «об Афганистане», составленная в мае иностр. деп.

⁵ А. Бернс. Указ. соч., III, стр. 425—434.

им непосредственной помощи, но «всегда будет через посредство Персии оказывать дружеское за них заступничество».

Инструкция заканчивалась указанием на необходимость установить связь с торговыми домами в Кабуле и побудить афганцев завязать «непосредственную торговлю с Россией»¹. Возвращаясь к содержанию приписавшегося Досту письма, во всяком случае можно сказать, что оно не было неправдоподобным. Вспоминая о своей исконной вражде с Ренджит-Сингом и жалуюсь на англичан, которые помогают последнему, автор письма заключал: «Ваше правительство в дружбе с персидским; если бы вашему величеству угодно было сделать то же в стране афганской, я стал бы вашим слугою. Я надеюсь, что ваше величество окажете мне свое покровительство... Я и мои афганцы сможем быть вам полезными»². Приблизительно через три месяца письмо аналогичного содержания было получено лордом Ауклендом, вновь назначенным ген.-губернатором Индии³. Жалуясь на сейков, Дост просил Аукленда «научить» его и «помочь» ему: «Я надеюсь, что вы видите во мне и в моем народе преданных вам и помогайте мне вашими благосклонными письмами». Аукленд ответил Досту письмом (от 22 августа 1836 г.), в котором обещал позаботиться о будущем «благополучии» Афганистана. В начале 1837 г. он послал к Досту знакомого ему по прошлым годам Бернса. Последний должен был, залившись укреплением индо-афганских торговых связей, примирить Доста с Сингом и добиться заключения англо-афганского соглашения с обязательством Доста не заключать ни с кем союзов без согласия Англии⁴.

В эту же пору Дост завел переговоры о союзе также с Персией. Персидское правительство откликнулось на предложение и отправило в Кабул своего посланца. Но скоро в эту комбинацию включилось третье лицо. Симонич, стоявший за спиной тегеранского кабинета и поддерживавший шаха в его намерении предпринять поход на Герат, захотел теперь сам прийти к Досту на помощь. Со своим агентом Хаджи-Ибрагимом он отправляет Досту письмо с извещением, что если Персия не окажет Кабулу просимой помощи, ее окажет Россия. 20 декабря 1837 г. (п. ст.) Бернс извещал Аукленда о «сравнительно экстраординарной новости»: «вчера прибыл в этот город агент, посланный непосредственно русским императором»⁵. Действительность в Кабуле пор. Виткевича, как и деятельность Бернса, до сих пор остается не освещенной. Как передавал Симонич, Бернс в переговорах, которые он вел с Достом, превисил свои полномочия, обещав ему возвращение Пешавара, а Когендиль-хану — денежную помощь. Обещания, данные им Досту, не были санкционированы ген.-губернатором Индии⁶. Что касается Виткевича, официальная русская версия гласила, что он был послан для сопровождения возвращавшегося из Петербурга в Кабул посланца Доста и для установления торговых сношений⁷. Известно, что Гуссейн-Али в пути заболел и дол-

жен был задержаться в Москве. Когда он выздоровел, он был доставлен в Тифлис простым унтер-офицером и сдан бар. Розену «под кватцацию... в благополучном доставлении означенного сановника»¹. Сопровождавший же его Виткевич продолжал свой путь без него и, ознакомив Симонича с содержанием данной ему в Петербурге секретной инструкции, выехал в Афганистан.

Деятельность английских и царских агентов, работавших в ту пору в Средней Азии, являются предметом не легким для детального изучения. В материалах центральных дипломатических органов не всегда можно найти отражение предпринимаемых ими шагов. Можно даже сказать, что в данном случае мы имеем дело с системой, проводившейся обоими кабинетами: Лондон и Петербург живут по видимости в идиллической дружбе, борьбу же ведут их представители на местах, получающие от своих правительств общие директивы и предоставляемые в значительной мере собственной инициативы. Когда Николай I возразил против вига Калнинга как представителя Англии в России, к нему был послан лорд Дюрем, член партии торь, и дружественные отношения между дворами не потерпели ущерба. В это же время представительство русских интересов в Персии было поручено типичному авантюристу, сербскому выходцу Гра Симоничу, именовавшему себя графом. В сентябре 1836 г., когда среднеазиатская конъюнктура обострилась и Эллис был признан недостаточно решительным и инициативным на посту английского посланника в Тегеране, он был заменен Мак-Нейлем. Это был путешественник по призванию, купец, миссионер и солдат по профессии, дипломат по недоразумению, но во всяком случае человек, не уступавший Симоничу в решительности и инициативности². Александр Бернс и бывший польский конфедерат Виткевич, сосланный на жительство в Оренбург и ставший личным адъютантом оренбургского ген.-губернатора — явления того же порядка. Неудивительно поэтому, что, когда в феврале 1837 г. в Лондоне возникла тревога по поводу делаемых Симоничем шагов, вынужденный по гератскому вопросу и лорд Дюрем запросил об этом царское министерство, Родиофиничи мог успокоить его, показав наряд с отпусками инструкций, дававшихся министерством Симоничу³. В то время как англо-русские отношения на линии Петербург — Лондон оставались в состоянии «дружбы», по линии Оренбург — Кабул и Тегеран — Калькутта шла ожесточенная англо-русская борьба.

Гераты напали на персидские земли и, разграбив их, увели в плен 12 тысяч персов. Руководимый Симоничем пах стал готовить экспедицию против Герата.

В июле 1837 г. он двинулся со своими войсками в Афганистан. Первоначальные военные успехи (взятие крепости Гуриана) сменялись неудачами. Холодная зима надолго остановила под Гератом шахскую армию, оставшуюся без одежды, без снаряжения и без денег⁴. Начинается осада Герата. В своей депеше Пальмерстону от 18 января 1838 г. (п. ст.) Мак-Нейль говорил о тех «результатах, которые должны... последовать для безопасности Английской Индии от падения Герата»: «Если мы хотим сохранить союз с Персией насколько возможно дольше, нужно помешать ей овладеть Гератом»⁵.

¹ АКАК, IX, стр. 949 — Отношение московского военного губ.-ра бар. Розену от 8/VIII 1837 г., № 486.

² „Revue de deux Mondes“, IX, p. 791.

³ МИД, Гл. арх., I—9, 1834—1847, № 7, лл. 136—64.

⁴ АКАК, IX, стр. 552—554.

⁵ „Revue de deux Mondes“, IX, p. 800.

¹ Акты Кавк. арх. ком., VIII, стр. 944—945 — Инструкция пор. Виткевичу от 14/V 1837 г., № 1218.

² „Revue de deux Mondes“, 1845, IX, p. 809; см. также МИД, Гл. арх., I—9, 1834—1847, № 7, лл. 186—64 — Записка без даты, составленная в мин-ве иностр. дел.

³ Письмо Доста к л. Аукленду от 31/V 1836 г.; „Revue de deux Mondes“, IX, p. 810; см. также МИД, Гл. арх., то же дело.

⁴ АКАК, IX, стр. 552—554 — Письмо Симонича Головину от 22/V 1838 г.

⁵ „Revue de deux Mondes“, IX, p. 810.

⁶ АКАК, IX, стр. 552—554.

⁷ МИД, К., Лондон, 1838 г., № 131, лл. 119—147 — Письмо Нессельроде к Поццо ди Борго от 20/X 1838 г.

В это самое время, в декабре 1837 — январе 1838 г., Берне ведет беседы с Достом и добивается от него ценных признаний: Дост не хочет иметь дел ни с какой другой страной кроме Англии; прибывшего в Кабул Виткевича он готов выгнать из своей страны и поступить с ним так, как потребует представитель Великобритании. «Вообще, если можно что-нибудь предпринять насчет Афганистана, то только теперь, пока англичане не продвинулись к этим местам и отвлечены Пенджабом, — читаем в относящейся к этому же времени записке, составленной в российском министерстве иностранных дел, — но как скоро дадут им время овладеть нынешним достоянием Ренджит-Синга, не оставив в Афганистане ничего противодействующего, тогда ничто не спасет афганцев от предстоящего им порабощения. С покорением же Афганистана¹ влияние наше в Персии утратится; торговля с Средней Азией почти рухнет или сделается ничтожною»². «Для отвращения всех этих последствий, — гласил следующий, зачеркнутый рукою составителя, абзац цитируемой записки, — можно было бы сделать какие-нибудь пожертвования для спасения Афганистана»³. Виткевич приехал в Кабул с большими деньгами, широкими планами и крупными предложениями. Он часто и подолгу засиживается у Доста; он обещает добиться у Синга отказа от Пешавара. Дост начинает ускользать из рук Бернеса; он обращается лицом к России. В апреле 1838 г. Берне покидает Кабул.

Ост-индское правительство заключает с сейками оборонительно-наступательный союз для борьбы с Достом и для восстановления на кабульском престоле Шах-Шоджи. Под Гератом создается своеобразное положение. 30-тысячное персидское войско с 60 орудиями, с шахом во главе, осаждают город. Защитой Герата руководит офицер английской службы Поттинджер. Осаждающих консультирует капитан Генерального штаба России Вларамберг⁴. Он снабжен от Симонича инструкциями давать персам советы по вопросам атаки и логистики: «А как от удачи предпринимаемой ныне шахом экспедиции зависит спокойствие Персии, то в виду нашего правительства должно входить, дабы способствовать сему предпринятию моральным влиянием своим». Вларамбергу предписывалось поэтому «присутствовать при сих осадных работах и употреблять старания и познания свои»⁵. Под стенами осажденного Герата в шахском лагере находились обе дипломатические миссии — русская и английская. Как доносил Вларамберг, «англичане действуют открыто против Персии»⁶. «Находящиеся в лагере шаха английские офицеры поддерживают правильные сношения с осажденными и не оставляют их ни советами, ни сведениями об осадных работах»⁷.

Мак-Нейл входит на 24 часа в осажденный город. Он передает правителю Герата Камраму-мирзе 6 тысяч дукатов, он ободряет его, уговаривает держаться до последней возможности. Из перехващенных Симоничем писем выясняется, что ген.-губернатор Индии находится в тайных сношениях с Гератом, что он переписывается с правителем

Кандагара и с Достом, убеждая последнего не заключать никаких союзов без санкции Англии. Симонич, со своей стороны, советует шаху заключить союз с Кабулом и Кандагаром, обещая им Герат, если они признают себя вассалами шаха. Старания Симонича увенчались успехом. Правители соседних владений согласились на его предложение. В кандагарско-персидском трактате Симонич дал гарантии России¹. Как пояснял Вларамберг, соглашением этим открывались перспективы укрепления влияния шаха, а следовательно, и России до правого берега Инда. «Бог даст, — заключал Вларамберг, — экспедиция приведет к такому результату, и со временем мы получим выгодный рынок для предметов нашего мануфактурного производства в Афганистане»². В политическом отношении «Герат получил бы тогда значение стратегического ключа для русской и персидской армий, открывая доступ в сердце английских владений»³.

Гарантирование Симоничем персидско-кандагарской конвенции, против чего предостерегал Нессельроде русское посланника в Тегеране⁴, явилось личной инициативой дипломатических агентов, действовавших в Средней Азии, типичным представителем которых был энергичный сербский «граф». Хотя Симонич и проявлял в осадных работах такую активность, что Вларамберг в своих донесениях в Главный штаб жаловался на создавшуюся в результате этого стратегическую и политическую опасность⁵, дела персов шли плохо. В первой половине августа Вларамберг сообщил о прогрессирующем разложении персидской армии и о катастрофическом положении осаждающих⁶. Еще в двадцатых числах мая, сыгравшись на «обиду», нанесенную персидскими властями курьеру английской миссии, Мак-Нейл в знак протеста покинул шахский двор под Гератом⁷. В августе же он прислал в шахский лагерь Стоддарта, вручившего персидскому министру иностранных дел вербальную ноту: экспедиция против Герата объявлялась враждебной демонстрацией против Британской Индии; занятие его — посягательством на английские владения в Индии; шаху предлагалось вывести немедленно свою армию из пределов Герата; шах уведомлялся о том, что английская эскадра из пяти военных судов получила приказ подкрепить предъявляемый ультиматум десантом на островах Персидского залива⁸.

28 августа осада была снята. Стоддарта встретили в Герате с «распростертыми объятиями»⁹.

Мак-Нейл, демонстрируя разрыв дипломатических сношений, готовится к отъезду из Ирана. Симонич отзывается с дипломатического поста. Батальон русских и польских дезертиров, сражавшийся под стенами Герата в рядах шахской армии, успешно направляется в Тавриз и после агитационной работы, проведенной царскими офицерами,

¹ АКАК, IX, стр. 552—554, 558—559.

² МИД, Гл. арх., I—9, 1838, № 21, лл. 51—56 — Рапорт Вларамберга Чернышеву от 3/IV 1838 г., № 19.

³ ЦВИА, оп. 287, св. 12, 1850, № 8, лл. 279—285.

⁴ МИД, Гл. арх., I—1, 1838, № 80, лл. 48—50 — Проект депеш Симоничу, утвержденный 26/IV 1838 г.

⁵ Там же, I—9, 1838, № 21, лл. 67—70 — Письмо Вларамберга Шуберту от 21/VI 1838 г.

⁶ Там же, лл. 78—89 — Рапорт Вларамберга Шуберту от 13/VIII 1838 г., № 23.

⁷ АКАК, IX, стр. 552. Письмо Мак-Нейла миhrе Аташ от 21/V 1838 г.

⁸ Там же, стр. 555—556 — Отношение Симонича Головину 13/VIII 1838 г., № 175.

⁹ МИД, Гл. арх., I—9, 1838, № 21, лл. 84—89 — Рапорт Вларамберга Чернышеву от 24/IX 1838 г., № 26.

¹ Зачеркнуто: «бог знает, что может произойти».

² Зачеркнуто: «На Каспийском море могут явиться опасные для нас соперники; англичане не будут опасаться нас, как теперь опасаются в Индии».

³ МИД, Гл. арх., I—9, 1834—1847, № 7, лл. 186—64.

⁴ Прибывший в персидский лагерь под Гератом 10/IV 1838 г.

⁵ МИД, Гл. арх., I—9, 1838, № 21, л. 43 — Рапорт Вларамберга Шуберту от 18/IV 1838 г., № 17.

⁶ Там же, лл. 46—50 — Рапорт Вларамберга Чернышеву от 15/IV 1838 г., № 18.

⁷ Там же, К., Лондон, 1838, № 131, лл. 236—238 — Частное письмо Нессельроде Полю до Борго от 23/VII 1838 г.

безаметно отводится оттуда в Закавказье¹. На смену Симоничу прибывает полк. Дюгамель, который должен исправить «ошибки» своего предшественника². Прежде всего нужно было вернуть из Афганистана Виткевича. Он был отозван Симоничем, по задерживаясь начальными делами и продолжал действовать по инерции. Его миссия в Кабуле была довольно успешна: он мог порадовать Симонича известием о том, что эмир намерен послать своего старшего сына в Россию с просьбой о принятии кабульского владения под совершенное распоряжение государя императора и прислать полномочного резидента, который бы участвовал с эмиром в управлении Кабулом³. Из Кабула Виткевич отправился в Кандагар. Здесь дела пошли значительно хуже. Отступление шахских войск из-под Герата поставило в тяжелое положение кандагарские власти. Некоторые надежды исправить положение у Виткевича еще были. В двадцатых числах октября он писал Симоничу о необходимости просить шаха выслать в Кандагар 10 тысяч туманов и 5 тысяч солдат для занятия Гуриана. Кандагиль-хан принял план убийства или изгнания из Герата Камрана. «Зная, сколько важно обладание Гератом кандагарцев⁴ под влиянием России», — писал Виткевич⁵, — я употреблю все возможности убеждения для достижения этой цели... Видя искренность убеждения сердаров в пользу тесного их сближения с Россией посредством мнимой зависимости от Персии, я совершенно уверен в успехе предприятия. Ежели до прихода в Кандагар Шуджа-уль-Мулька Герат будет в руках Кандагиль-хана, англичане потеряют надобно надежду восстановить здесь свое влияние; в противном случае мы лишимся возможности сбывать произведение наших фабрик в Среднюю Азию, не говоря о соседнем влиянии англичан на северо-восточные границы империи». В двадцатых числах ноября Виткевич сообщил, что Кандагиль-хан выступил по направлению к Герату, что англичане эту зиму со своим Шоджой ничего предпринять не успеют и что есть надежды на успех. Он сообщил вместе с тем, что эсердари Кандагара, овладев Гератом, предполагают оправить через Тегеран к императорскому двору младшего из братьев, Сардари-Мигриль-хана, уполномочив его заключить трактат и признать над собою владычество государя императора и испрошить назначения в Герат и Кандагар российских резидентов⁶.

Англичане тоже не сидели сложа руки. Они проводили большую подготовительную работу: пор. Лич был послан в Ширакпу, Берне, Гууди и Масон — в Хайрпур, полк. Поттинджер — в Гейдерабад, чтобы склонить эмиров Синда к союзу с Ост-Индской компанией и заключить соглашение о плавании по Инду. «Из сказанного ваше сиятель-

¹ МИД, Гл. арх., I—9, 1838, № 21, лл. 99—102 — Рапорт Вяземберга Чернышеву от 23/XII 1838 г., № 29. Условия возвращения русских десертиров были следующие: возвращающиеся гарантировались неприкосновенностью личности и сохранением чина; начальнику батальона Самсоу-хану (безглоту унтер-офицеру Макшину) уплачивалось денежное вознаграждение и предоставлялось право выбора местожительства в той или другой стране (МИД, Гл. арх. I—1, 1838, № 8, лл. 5—7). Самсоу-хан во время осады был ранен и остался в Персии (там же, I—9, 1838, № 21, лл. 67—70).

² Дюгамель приехал в Тегеран 8/XI 1838 г.; 15/XI он приступил к исполнению обязанностей; Симонич выехал 29/XI. См. там же, лл. 90—98 — Рапорт Вяземберга Чернышеву от 28/XI 1838 г., № 28.

³ МИД, Гл. арх., I—9, 1839, № 20, лл. 36—40 — Выписка из рапорта Виткевича Симоничу от 24/XI 1838 г., № 79.

⁴ Так в подлиннике.

⁵ МИД, Гл. арх., I—9, 1838, № 18, лл. 41—44 — Выписка из рапорта Виткевича Симоничу от 23/X 1838 г.

⁶ Там же, 1839, № 20, лл. 36—40 — Рапорт Виткевича Симоничу от 24/XI 1838 г., № 79.

ство изволите усмотреть, — писал тот же Виткевич Симоничу¹, — что только в Синдском владении находится 5 агентов К²... я полагаю, что съезд этих лиц в Синде прямо касается дел Афганистана. Между тем дела у кандагарцев шли плохо, а подготовительная работа английских агентов начинала приносить плоды. Три месяца спустя, 23 февраля 1839 г., Виткевич доносил, что кандагарцы оказались настолько слабы, что должны были отказаться от предпринятого похода на Герат и даже вернуть уже занятую крепость Феррах. Действия же англичан не ограничивались тем, что происходило в Синде: Берне и д-р Лод вместе с одним из сыновей Шоджи едут в Кабул; из Пешавара рассылаются воззвания; Ренджит-Синг деятельно помогает англичанам и поддерживает дружеские сношения с Остиндской компанией; влияние Доста падает; шансы Шоджи растут; широкое применение подкузов и вся система приготовлений дают основание думать, что англо-индийское правительство не остановится на полдороге; «к тому же все предприятие ведется английскими офицерами, знающими хорошо дела Афганистана и имеющими связи со всеми лицами, приобревшими какое-либо влияние на племена, составляющие народонаселение сей страны»³. Первое из цитированных выше донесений Виткевича из Кандагара, где речь шла о помощи Персии кандагарцам, было получено уже не Симоничем, а Дюгамелем.

Последний оказался в «трудном» положении. Требования кандагарцев о помощи основывались на кандагаро-персидском соглашении, гарантированном Симоничем⁴. Дюгамель понимал: «Все виды англичан на Афганистан ясны. Они хотят утвердить там свое исключительное влияние и, если мы дадим им это сделать, они достигнут своей цели». Мало того, Дюгамель полагал, что «Россия не может быть беспристрастным зрителем событий, театром которых становится Афганистан, ибо, если однажды англичане утвердят свое влияние там надолго — нельзя ли предположить, что они распространят его и на берега восточные и южные Каспийского моря, и на Хиву, и на Бухару и область Туркмении, чтобы там создать затруднения и возбудить врагов, как это они сейчас делают с горцами Кавказа»⁵. Эти мысли приходили Дюгамелю на ум во время беседы с персидским министром иностранных дел мирзой Агаси в декабре 1838 г., когда персидская армия отступала от Герата и вместе с нею совершила отступательное движение и дарская политика в афганском вопросе. «Без посылки лейт. Виткевича, — анализировал старые ошибки своего предшественника Дюгамель, — без тех отношений, которые установились с того времени между императорской миссией и афганцами, наконец, без конвенции, заключенной под нашей гарантией между шахом персидским и сердаром Кандагара, конвенцией, по которой мой предшественник несколько легкомысленно дал гарантию России, — никогда дела не пришли бы к тому, где они находятся»⁶. Дюгамель давал тогда же мирзе Агаси совет воздержаться от помощи людям и ограничиться посылкою обещанных денег.

Около трех месяцев спустя (в середине февраля 1839 г.), когда стала уже выясняться безнадёжность предприятия кандагарцев, актив-

¹ Там же.

² Там же, лл. 54—60 — Рапорт Виткевича Дюгамелю от 23/II 1839 г., № 30.

³ Там же, 1838, № 18, лл. 40 и 45 — Донесение Дюгамеля от 9/XII 1838 г., № 12.

⁴ Там же, лл. 72—75 — Донесение Дюгамеля от 23/XII 1838 г., № 15.

⁵ Там же.

ность Дюгамеля еще снижается. Он еще не хочет сдавать позиций, но надежды свои возлагает теперь только на дипломатические переговоры: «Наша честь и наши интересы не позволяют нам оставаться равнодушными в афганских делах...» — писал он. — После снятия осады с Герата англичане не имеют никаких оснований к изгнанию братьев Баракан, и, если Англия считает себя вправе вмешиваться в пользу гератского принца против персидского правительства, я не вижу — почему Россия не могла бы равным образом заинтересоваться около Лондонского кабинета в пользу сержаров Кабула и Кандагара¹. Был еще момент, заставлявший Дюгамеля проявлять особую осторожность: если ему приходилось констатировать ослабление авторитета государственной власти в Персии, то в Афганистане было, по его словам, «еще хуже». «Там царит настоящий социальный хаос, и эта страна представляет теперь зрелище, которое представляла Европа в середине века, когда феодальная система там была в силе. Власть сержаров сводится почти к нулю. Толпа крупных вассалов, из которых каждый имеет у себя на службе несколько сот вооруженных, живут в состоянии дикой независимости, и никому не повинуются, пользуясь господствующей в стране анархией для своих грабежей². И тогда же Дюгамель охватывает тревога за Закавказье: «Мы не должны останавливаться ни перед какими жертвами, чтобы избавить Персию от анархии; гражданская война в Персии может перебраться в Закавказье». Поэтому надо помочь шаху создать армию для подавления беспорядков и для отражения всякой агрессии со стороны Афганистана и Персидского залива; надо помочь ему организовать финансовое управление; надо послать ему военных инструкторов³.

Между тем наступление англо-индийских войск успешно развивалось. В начале июля был взят Кандагар. Англо-индийские войска шли на Кабул. «Последствием всего этого», — писал Дюгамель Головинцу в сентябре 1839 г., — является преобладающее влияние Англии в Персии и Центральной Азии и весьма неблагоприятное положение для русской миссии при тегеранском дворе⁴. При таких обстоятельствах русскому посланнику в Тегеране приходилось отбросить всякие мысли об Афганистане и думать прежде всего о Персии, чтобы правительство последнего не дало англичанам связать себя по рукам и ногам⁵.

На среднеазиатском участке, где вокруг афганского клина обострились англо-русские противоречия, царское правительство временно занимало оборонительную позицию, предоставив инициативу наступления англичанам. Это было временное отступление царизма, и борьба продолжалась. Но отступление это было для царского правительства необходимостью не только стратегической, но и политической. Среднеазиатская конъюнктура требовала от царизма мобилизации сил и внимания. Дипломатические сношения между Петербургом и Лондоном, не прерывавшиеся ни на минуту во время ожесточенной борьбы за Среднюю Азию, требовали поднятия англо-русской «дружбы» на такую высоту, которая могла быть достигнута максимальным освобождением их от всякого рода трений на среднеазиатском участке.

V

Англо-русские переговоры по персидским и средне-азиатским делам, начавшиеся еще в январе 1834 г. со смертью Аббаса-Мирзы, наследника персидского престола, не могли в течение рассматриваемого периода не приобрести значительной страстности и напряженности. Но Мак-Нейл выступал обычно от имени индийского правительства¹, а Симонин хвалился тем, что не слушается предписаний своего правительства². Те взаимные обвинения, которыми обменивались между собой оба кабинета, перекладывались обычно на действовавших на местах их агентов или парировались по методу евангельской полемики о сучке и бревне в глазах спорщиков. Озабоченный делами в Мадриде и Канаде, Алжире и Константинополе, подготавливающий занятие Адена для овладения Суэцким перешейком, поглощенный мыслью об изоляции Франции, Пальмерстон до октября 1838 г. проявлял робость и нерешительность в переговорах. Исход гератского похода и временное улучшение англо-французских отношений определили перелом в позиции Англии. 1 октября 1838 г. ген.-губернатор Индии лорд Аукленд опубликовал прокламацию, в которой возмущался предстоящий поход англо-индийских войск через Инд для водворения «порядка» в Афганистане и утверждения на афганском троне принца Шоджи-уль-Мулька³.

Царское правительство, которое и до того проявляло в переговорах по среднеазиатским делам большую осторожность, теперь готовится обнаружить прямую уступчивость.

В десятых числах октября Пальмерстон заявляет Поппо ди Борго, что взаимоотношения России и Англии не могут оставаться в прежнем положении. Он указывает на угрожающие размеры русской эскадры в Кронштадте, на то, что русское влияние в Персии становится господствующим, что шах предпринял экспедицию против Герата по наущению царских агентов, замысливших планы против Индии; он упрекает царское правительство даже за его политику в «Черкессии»⁴. В те же дни лорд Мельбурн говорит Поппо, что Англия не может оставаться равнодушной при активности царской политики в Персии и Турции, и в качестве ultima ratio ссылается на возбуждение английское «общественного мнения»⁵. Правда, через два дня Поппо ди Борго находил уже некоторые сдвиги в настроении лондонского кабинета и отмечал, что Пальмерстон готов примириться на подержании в Персии status quo, установленного в 1834 г.⁶ Но царское правительство считало настоятельно необходимым рассечь всякие «предубеждения» Англии. 16 октября 1838 г. на приеме дипломатического корпуса в Царском Селе Николай I заявил Кларнриарду, что политика царизма в Азии ни в малейшей степени не направлена против Индии. В ряде относящихся к этому времени инструктивных писем к Поппо ди Борго Нессельроде старался разъяснить и обосновать принципы царской политики в Азии и, в частности, в афганском

¹ «Revue de deux Mondes», 1845, III, pp. 796—798.

² МИД, Гл. арх., I—9, 1834—1847, № 7, лл. 186—64. «Записка о Персии и Афганистане с 1834 по 1847 гг.».

³ The Afghan war. From the Journal and correspondence of the late Major-general Augustus Abbot by Ch. R. Low, pp. 57—60, London, 1879; см. также History of the Afghans by I. P. Ferrier, London, 1858.

⁴ МИД, К., Лондон, 1838, № 130, лл. 15—25 — Делема Поппо ди Борго от 11/X 1838 г. № 93.

⁵ Там же, лл. 27—29 — Делема Поппо ди Борго, от 11/X 1838 г., № 94.

⁶ Там же, лл. 197—203 — Делема Поппо ди Борго от 13/XII 1838 г., № 114.

¹ МИД, Гл. арх., I—9, 1839, № 20, лл. 34—35, 42—43 — Донесение Дюгамеля от 16/II 1839 г., № 7.

² Там же.

³ Там же, 1838, № 18, лл. 46, 47, 63 — Донесение Дюгамеля от 25/II 1839 г.

⁴ АКАД, IX, стр. 563—564 — Отношение Дюгамеля Головинцу от 15/IX 1839 г.

⁵ Там же.

вопросе: «Мысль о нарушении спокойствия в индийских владениях Англии никогда не появлялась и не появилась в сознании нашего императора». «Авантюристическая идея вмешательства в индийские дела находится в полном противоречии с здравой и разумной политикой императорского кабинета. Война Персии против Герата была самоаццтой от постоянных набегов гератцев и «в принципе» войной «справедливой». Как только царь узнал, что поход на Герат вызывает беспокойство Англии, все усилия его были направлены к тому, чтобы добиться соглашения Персии с Гератом; свое миролюбие Россия доказала отзывом батальона дезертиров. Теперь она доказала это посланком известного своею умеренностью Дюгамеля; Россия является сторонницей «свободной конкуренции» в противоположность Англии, стремящейся к монополюющему овладению среднеазиатскими рынками¹.

«Настоящий момент, — писал министр Поццо ди Борго 20 октября 1838 г., — один из серьезнейших по своим последствиям в наших взаимоотношениях с Англией последних годов». Он предписывал посланнику во что бы то ни стало рассеять подозрения относительно позиции России в афгано-персидском конфликте. Он наказывал ему не подлагаться на Пальмерстона, «злая воля которого достаточно известна», и который может сознательно извратить в глазах кабинета позицию царского правительства; он советовал поставить о ней в известность ряд других членов кабинета, ориентируясь на более умеренных, в которых легче встретить поддержку². Последовавший в период гератского похода разрыв дипломатических сношений между Англией и Персией, мотивированный Мак-Нейлом ссылкой на оскорбление персами одного из его курьеров, особенно беспокоил царскую дипломатию. По совету Дюгамеля, шах отправил в Лондон своего посланника с письмом, содержавшим выражения сожаления о происшедшем и извинения. Прибывший в Лондон Гусейн-хан в течение нескольких месяцев проживал там как частное лицо: Пальмерстон сначала вовсе не принял его, а, приняв, долгое время не соглашался признать объяснения удовлетворительными³. В своей депеше от 30 мая 1839 г., сообщая, что персидскому посланнику придется доказывать законность своих полномочий, Поццо ди Борго писал о «постыдной слабости Персии» и о том «невыгодном положении», в какое попадает в связи с этим Россия. Ссылаясь на свою беседу с лордом Мельбурном, посол обращал внимание на рост агрессивных планов англо-индийского правительства, стремящегося овладеть землями, расположенными между Индом и Каспийским морем⁴.

Это было время, когда армия одряхлевшего султана Махмуда шла по ассирийским пустыням, чтобы быть разбитой войсками мятежного Ибрагим-паши (май — июль), когда власть в Константинополе переходила к 16-летнему Абдул-Меджиду, а весь турецкий флот с командующим во главе готовился дезертировать в Египет (июль). Это было время, когда Россия была готова привести в действие соответствующие пункты Унклар-Искелеского договора, прочие же дер-

жавы поставили вопрос о замене русского протектората над Турцией коллективной европейской гарантией (май — июль), время, когда осуществление этой гарантии приводило к образованию англо-русско-австрийского соглашения, направленного против Франции (август), когда в Лондон ехал царский дипломат Бруннов с проектом англо-русского соглашения по восточным делам (сентябрь). Значение афгано-персидского спора и всего афганского вопроса бледнело перед каждым из этих фактов в отдельности.

В этой связи становится понятным, что предпринятая царизмом попытка проникновения в глубины Афганистана, попытка обнаружения политико-экономической неподготовленности царизма для самостоятельной реализации задуманного плана, и слабость той страны, которая была привлечена в качестве главного орудия действий, приобретала характер небольшой и не совсем удачной военно-политической диверсии против Англии и должна была быть в кратчайший срок ликвидирована. В своей депеше от 11 апреля 1839 г. Поццо ди Борго, рассказывая о происшедших во время прений в английском парламенте руссофобских настроений в связи со среднеазиатскими делами, приходил к заключению, что англо-русская война возможна, но что возникнуть она может из-за турецко-египетского вопроса: «Англичане захотят по возможности остаться хозяевами пунктов, которые отделяют нас от Средиземного моря, т. е. от той части света, с которой нам самое важное дело — свободное и безопасное сообщение. Мы не можем и не должны позволить им достигнуть столь решительного успеха, и только сила может решить этот вопрос в случае надобности»⁵.

В депеше, посланной из Петербурга вдогонку ехавшему в Лондон Бруннову⁶, подтверждалась директива соглашаться на невозобновление Унклар-Искелеского договора, но настаивать на том, что помощь Турции в Константинополе должна быть оказана одной России и что другие державы должны действовать вне Дарданелл. Нессельроде напоминал Бруннову, что в переговорах с англичанами первое и главное место должен занимать турецкий вопрос, вопросам же афгано-персидскому, греческому и другим должны отводиться второстепенные места. Переговоры о соглашении затянулись, и Бруннову пришлось ехать в Петербург за новыми инструкциями. Но англо-французские противоречия обострились в такой мере, что положение казалось далеко не безнадёжным. Еще в сентябре, перед отъездом своим из Лондона, Бруннов из разговора с Пальмерстоном приходил к заключению, что тот ищет путей для примирения и в персидских делах. Премьер-министр Мельбурн в своей беседе с Брунновым разделял опасения последнего по поводу угрожающей Персии гражданской войны и возможности крушения шахской монархии. Мельбурн осудил даже деятельность Мак-Нейла, оговорившись, что он проводил личную политику⁷. И даже лорд Гоббсгауз, министр особенно близкий к среднеазиатским делам, не защищал перед царским посланником деятельность Мак-Нейла и не придавал особенного значения продолжению оккупации острова Каракка⁸.

Беседовавший в конце сентября с Пальмерстоном заместитель

¹ МИД, К., Лондон, 1838, № 131, лл. 150—162, 236—238 — Письма Нессельроде от 23/VII, 20/X 1838 г., а также Гл. арх., 1—9, 1839, № 19, лл. 68—84 — Письмо Нессельроде от 21/II 1839 г.

² МИД, К., Лондон, 1838, № 131, лл. 150—162 — Письмо Нессельроде от 20/X 1838 г. Там же, № 839, 120, лл. 162—165, 200—201, 279—291, 329—332 — Депеши Поццо ди Борго от 30/V и 3/VI 1839 г.; Депеши Киселева от 20 и 27/VI 1839 г.; там же, 1839, № 123—124, лл. 77—82 и 88—92 — Депеши Киселева от 10 и 24/XI 1839 г.

⁴ Там же.

⁵ МИД, К., Лондон, 1839, № 119, лл. 403—412 — Депеша Поццо ди Борго от 11/IV 1839 г., № 38.

⁶ Там же, № 123—124, лл. 135—147 — Депеша Нессельроде Бруннову от 16/VIII 1839 г.

⁷ Там же, № 122, лл. 55—60 — Депеша Бруннова от 12/IX 1839 г., № 7.

⁸ Там же, № 119—120 — Депеша Бруннова от 18/IX 1839 г., № 18.

Брунинов Киселев отмечал, что великобританский министр иностранных дел крайне раздражен против Франции и ориентируется на англо-австро-русское соглашение в турецких делах¹. Из ноябрьских донесений Киселева явствовало, что дружественные России настроения не покидали Пальмерстона; тогда же Пальмерстон выразил желание признать объяснения шахского правительства удовлетворительными, восстановить с Персией дипломатические отношения и вывести войска с острова Каракка². Удалив безболезненно Россию из Афганистана и собираясь водворить там своего ставленника с приличным пожизненным пенсией, готовясь к решительному отстранению Франции от ближневосточных дел и к разрешению турецкого вопроса в свою пользу путем сделки с припертой к стене Россией, сент-джемский кабинет был, в свою очередь, заинтересован в устранении всех лишних препятствий на путях дружественных сношений между Петербургом и Лондоном.

VI

Сдержанное отношение, проявленное, как мы видели, царским дипломатическим ведомством к усвоенной Канкриним идее учреждения русской фактории в Астрабаде, коренилось в опасении, что этим начинанием английский «дух» может быть вызван и на астрабадское участие. «Устройство сей фактории, — полагал Родофиникин, — неминуемо обратит внимание англичан, которые без сомнения в тот же день так сказать и сами учредят факторию, в чем воспрепятствовать ни нет правильного основания, а при существовании английской фактории, управляемой расторопными и расчетливыми директорами, и при недостатке в капиталах с первого разу уничтожат нашу факторию»³. Поэтому Родофиникин искал обходных путей, которые вели бы к достижению «предполагаемой цели», «не обнаруживая желания завести факторию в Астрабаде». Как на одну из возможностей в этом смысле он указывал на рыбные промыслы в персидских водах Каспийского моря. Персидское правительство стало проявлять некоторый интерес к использованию рыбных вод Каспия только со времени царствования Могомед-шаха, который впервые научился брать в свою пользу откупные суммы с рыбопромышленников. Представлялось возможным, не возбуждая ни с чьей стороны «соперничества» и «опасений», «снять у персидского правительства все без изъятия рыбные ловли... на несколько лет», устроить на персидских берегах ватаги и постепенно превратить эти ватаги в склады русских товаров и рыбопромышленных предприятий — в торговые фактории.

Чиновник министерства иностранных дел Забелло командировался в Астрахань для собирания предварительных сведений и для обсуждения вопроса с астраханским губернатором Темирязевым⁴. Выясняется, что хитроумный план Родофиникина, рассчитанный на вращение военно-торговой фактории в экономический быт Персии через образование ватаг, трудно осуществим. В персидских водах работало уже несколько русско-подданных рыбопромышленников-откупщиков, кон-

курировавших друг с другом: «астраханский купец из персиян» Мир-Багиров, еще в 1833 г. заключивший с персидским правительством контракт на 7 лет и в 1835 г. перезаключивший его еще на 10 лет, астраханский же купец «из армян» Суджаев, заключивший в 1834 г. с персидским правительством контракт на 14 лет, и, наконец, купец Кафталиков, заключивший в 1836 г. контракт на 7 лет. В том же 1835 г., как известно, приезжал в Тифлис с жалобой на Мир-Багирова астраханский купец Герасимов, заключивший тогда же контракт с туркменами на право рыболовства в принадлежащих им водах. Стремившийся к монополии и поддерживаемый персидским правительством Мир-Багиров, в свою очередь, жаловался на Герасимова, считая, что те воды, которые он откупил у туркмен, являются персидскими и, следовательно, по праву принадлежат ему. Вопрос о правах и притязаниях рыбопромышленников превращался, таким образом, в вопрос о том, где признавать границу между персидскими и туркменскими водами, а так как речь шла о приатрексских туркменах, вставал вопрос и о сухопутной границе между персидскими и туркменскими владениями. Известно, что шах персидский в ту пору склонен был рассматривать всех не только ближайших, но и более отдаленных соседей своих как своих подданных, находившихся в состоянии «неоиноновения» и «мтеджа». Особенно это относилось к приатрексским туркменам.

Царское правительство, в свою очередь, относилось весьма благосклонно к тому, что приатрексские туркмены «не признают себя в подданстве и зависимости от Персии»⁵, хотя, как известно, само неизменно отклоняло просьбы отдельных представителей туркменской феодально-родовой аристократии о принятии туркмен в российское подданство. Совсем еще недавно, в 1835 г., когда Перовский заколебался в этом вопросе и был даже склонен туркмен и адаевских казахов «соединить под одно управление поставленного от нас султана», Азиатский комитет от решения вопроса в положительном смысле снова воздержался⁶. А так как между туркменами и персами в приграничных районах не прекращались вооруженные конфликты, царскому правительству приходилось выступать в щекотливой роли «посредника». Один небольшой эпизод может иллюстрировать те противоречия, какие приходилось царизму преодолевать в районе юго-восточного побережья Каспия. В сентябре 1836 г. персидское правительство, пославшее карательную экспедицию против момулов, обратилось к России с просьбой «судить два судна, дабы посредством покровительства двора вашего наказать бунтовщиков наших подданных»⁷ (в районе Атрека и Гюрчена). Наличие 8-й статьи Туркменчайского трактата, предоставлявшей России исключительное право держать вооруженные суда в каспийских водах, стремление избежать прецедента появления персидских вооруженных судов на Каспийском море, а также заинтересованность в поддержании традиционной дружбы с Персией, — все это предрасполагало царское правительство к удовлетворению просьбы тегеранского кабинета⁸.

В то же время для царского правительства не было никакого смысла совершать «краждебный акт против независимого народа, с которым

¹ МИД К., Лондон, 1839, № 119—120, лл. 77—82. Делегация Киселева от 10/XI 1839 г.

² Там же.

³ Там же, Гл. арх., П-3, 1836, № 5, ч. 1, лл. 1—2. Отношение Родофиникина Канкрину от 12/VIII, № 2054.

⁴ Там же, лл. 8—9. Отношение Родофиникина Темирязеву от 2/IX 1837 г., № 2235.

⁵ Там же, I—1, 1819—1849, № 1, л. 108—Журнал Азиатского комитета от 17/IV 1840 г.

⁶ Там же, 1838, № 80, лл. 54—55. Вспомогательный доклад от 15/IX 1838 г.

⁷ Там же, I—9, 1836, № 13, л. 2—Письмо мирзы Массуда Симоничу (без даты).

⁸ Там же, I—1, 1836, № 78, лл. 100—104—Проект донесения Симоничу, утвержденный 28/XI 1836 г.

Россия поддерживает сношения» и который мог оказаться полезным в деле утверждения владычества царизма на восточных берегах Каспийского моря¹. Симонич, не отклоняя просьбы тегеранского кабинета, ссылается на зимнее время и обещает прислать помощь весной. Он надеется, что шах обойдется без русской помощи и что к тому времени экспедиция будет закончена. Расчеты Симонича не оправдались. Шахские войска потерпели неудачу. Шах скоро возобновил свою просьбу. Симонич обещал с началом навигации дать два военных судна. Попутно он заговаривает с шахским министром об улучшении условий для русской торговли в Персии. Нессельроде снова напоминает о крайней нежелательности «действовать против народа, с которым мы хотели бы оставаться в мире». Шахское правительство готовит вторую экспедицию против туркмен. В Энзели уже снаряжаются три персидских расшивы. В июле 1837 г. Родофиникин дает распоряжение о командировании двух военных судов Каспийской флотилии, наказывая Симоничу «иметь строгое наблюдение, дабы персиане не имели какого бы рода ни было вооруженных судов на Каспийском море» и запрещая в то же время вывоз строевого леса из Астрахани. Бриг «Мангышдак» и транспорт «Эмба» в конце августа отправляются в туркменские воды². Все обошлось на этот раз благополучно. Был создан прецедент к осуществлению Каспийской военной флотилией полицейских функций в туркменских водах. В то же время никаких вооруженных действий на этот раз не последовало. Волки оказались сытыми, овцы фактически остались целыми.

Рыбные воды туркменского побережья, богатые хорошими гаванями, отличались, таким образом, и обилием опасных политических рифов. Немало хлопот принесло царскому правительству, в частности, упомаятое дело Мир-Багирова. Хотя эксплоатация рыболовных вод, по приблизительным расчетам Карелина, могла дать казне «более миллиона откупной суммы»³, хотя подлежащая организация этого дела и сосредоточение его в руках правительства, по утверждению и Карелина и Канкрин, открывали перспективы для мирного экономического проникновения в Персию, — от мысли этой, как мы уже видели, правительству пришлось отказаться прежде всего по соображениям политическим. Заметим попутно, что реализации этого плана препятствовали не только тегеранские и астрабадские власти, но и астраханские. Как доносит тот же Карелин, Мир-Багиров «распоряжается всем в Астрахани, располагает полицией и держит в страхе персиан... его титулуют здесь ханом, и астраханский губернатор весьма часто к нему ездит, не удостаивая никого впрочем подобной чести»⁴. «Запутавшись с ним по многим плохим делам», астраханское губернское правление было, по словам Карелина, всецело на стороне Мир-Багирова. Министерство иностранных дел вполне усвоило взгляд на Мир-Багирова, как на агента персидского правительства, человека самого неблагонадежного и просто вредного⁵. Министерство считало полезным поддерживать русских рыбопромыш-

¹ МИД, Гл. арх., I—9, 1836, № 13, лл. 21—24—Депеша Нессельроде Розену от 28/V 1837 г., № 1404.

² Там же, лл. 29—30, 33—35—Депеша Симонича от 11/V 1837 г., № 212; там же, I—1, 1837 г., № 79, лл. 63—73—Депеша Родофиникина Симоничу от 13/VII 1837 г., № 1765.

³ Там же, I—9, 1835—1839, № 3, лл. 88—91—Письмо Карелина Канкрину от 29/VI 1836 г.

⁴ Там же, лл. 174—175—Письмо Канкрин Родофиникину от 28/III 1836 г.

⁵ Канкрин допускал даже, что Мир-Багиров английский шпион.

ленников против Мир-Багирова тем более, что тот причинял убытки казне и русским купцам, продавая бесопашинно нефть и соль с туркменского берега в Персию¹. Оно предлагало Темирязеву подыскать лицо, на имя которого можно было бы перекупить контракт Мир-Багирова². Но, встречая со стороны Темирязева порою саботажи, порою прямую оппозицию, министерство не проявляло особого упорства в своих настояниях и, в конце концов, отказалось от вмешательства в тяжбу Мир-Багирова и Герасимова. Отказываясь от плана Родофиникина о ватагах, министерство возвращалось к плану Карелина о фактории.

На заседании Азиатского комитета 20 февраля 1838 г. обсуждался вопрос «о мерах к открытию азиатского торгового пути через Астрабад» и об учреждении для этой цели особой торговой компании. Вопрос об образовании торговой Российско-Азиатской компании обсуждался в Особом комитете еще в 1837 г., и тогда из опасений возбудить соперничество англичан было решено от реализации проекта воздержаться. Теперь, когда под Гератом шла вооруженная борьба с участием Потинджера и Баламберга, такие соображения становились изжилими; мало того, организация в Астрабадском районе казенного предприятия под прикрытием частного капитала приобретала актуальное значение. Было принято решение «составить... частное купеческое товарищество или торговый дом под какою-либо фирмой с негласным участием казны и с пожертвованиями от ее достаточной по усмотрению суммы». Учреждаемый Торговый дом, который имел своим назначением «привести в движение Астрабадский торговый путь», должен был «также получать от правительства и некоторые оборотительные средства... известное число пушек и зарядов, а также... казаков в виде рабочих людей»³.

Кроме вопроса о торговой компании на том же заседании Азиатского комитета обсуждались и другие, выдвинутые экспедицией Карелина, вопросы — о принятии в подданство туркмен и об овладении островами Челекеном и Огурчинским. Вопрос о принятии туркмен в российское подданство получил разрешение по традиционной формуле «статить и не пуштить»: «Просьбу туркмен отклонить, не давая им решительно, впрочем, отзыва и продолжая оказывать расположение к влиятельнейшим из их старейшин»⁴.

Вопрос о приобретении островов Челекена и Огурчинского был поднят еще в начале 1836 г. Мир-Багировым. Через Темирязева он подал тогда проект овладения Россией островом Челекеном с последующей отдачей острова ему, Мир-Багирову, на откуп, мотивируя свое предложение ссылкой на подрыв, создающийся для бакинских

¹ МИД, Гл. арх., I—9, 1836—1864, № 5, лл. 12—15—Отношение Нессельроде Канкрину от 15/VI 1836 г., № 1312.

² ГИМ, Арх. бар. Розена, № 8—Рапорт Карелина Розену от 25/VII 1836 г., лл. 328—329; лл. 335—336, 339—346—Рапорты Баламберга Розену от 1 и 25/VII и 12/XII 1836 г.

В частности, министерство выставляло кандидатуру купца Сапожников как человека известного по рыбным делам, замечая при этом: «Но для нас все равно — это ли имя или другое, которое мы предпочтете — лишь бы был оседлым в России человек, а не такой русский как Багиров. Наша цель — не рыбные промыслы, а человек, а не такой русский как Багиров». Письмо в настоящее время русским промышленникам от персидского Мир-Багирова⁵ (Гл. арх., I—9, 1836—1856, № 2, лл. 55—57—Отношение Нессельроде Симоничу от 9/III 1838 г., № 593).

³ МИД, Гл. арх., I—1, 1836—1849, № 1, лл. 12—56—Журнал Азиатского комитета от 20/II 1838 г.

⁴ Там же.

промыслов от эксплуатации челекенской нефти туркменами¹. Несмотря на поддержку Мир-Багирова Темиразевым, Нессельроде категорически воспротивился передаче острова, которым владел небезизвестный Киаг, такому «неблагонадежному» человеку, каким являлся Мир-Багиров. «Гораздо полезнее, — говорил Нессельроде, — оставить остров Челекен в руках преданного нам туркменского старшины Киага... Оставив Челекен в теперешнем его положении, правительство ничего не теряет, ибо таким образом мы без занятия сего острова как бы выдем им»². Тогда же Перовский находил, что царскому правительству надо «сообщить этот остров своим», причем «Азиатскому департаменту всего ближе и приличнее взять его в ведомство свое» как «немаловажную» в военно-политическом и торговом отношениях «опорную точку»³. Царь, со своей стороны, придавая приоритетную островов настолько важное значение, что в 1837 г. при обсуждении этого вопроса в Особом комитете однажды наложил резолюцию: «Весьма важно, желательно для сего вновь заняться устройством К⁹, взяв пай и от правительства». Тогда же царь поддержал проект о занятии острова Ашир у входа в Астрабадский залив и об укреплении его⁴.

На заседании Азиатского комитета (20 февраля), снова занявшегося вопросом об устройстве Компании, вопрос об Ашире и Челекене не получил окончательного разрешения. Форсировать постановку этого вопроса было признано преждевременным; Киаг, как временный владелец острова, мог в течение некоторого времени продолжать свою миссию по охране островов от посягательств со стороны Персии. Освоение же островов включалось в план будущих действий вновь учреждаемой торговой компании. Правительство решило отпустить на это 200 тыс. рублей ассигнациями и поручило председателю московского отделения Мануфактурного совета гр. Строганову подписать среди московского купечества подходящих людей. Вопрос об освоении островов встретил несколько неожиданных препятствий. Как сообщил Строганов, московское купечество, изъявив готовность участвовать в торговле с Астрабадом, нашло, однако, для себя «естественным» участие казны в предприятии и выразило желание «начать дело одним собственным капиталом на обыкновенном основании торговых оборотов, не стесняясь никакими формами»⁵. Гр. Строганову

удалось собрать путем добровольной подписки 520 тыс. рублей. В правление товарищества вошли московский городской голова Кулямин, член московского отделения Мануфактурного совета Веретенников и почетный гражданин Москвитин. Учредители предъявляли правительству ряд условий. Они требовали установить постоянное пребывание военного судна в Астрабадском заливе, учредить в туркменских водах постоянное крейсерство, добиться от Персии согласия на устройство складов, учредить в Астрабаде консульский пост, отпустить для судов, принадлежащих товариществу, нужное вооружение и казаков. Правительство не было склонно идти навстречу требованиям товарищества и продолжало настаивать на участии в этом деле казны. Оно предложило, «дабы приготовить к сему предприятию наш торговый и фабричный капитал»⁶, сделать первый опыт посылки в Астрабад товаров и выработать новые условия для действий товарищества.

Канкрин сообщал Нессельроде, что он принимает меры к составлению новой группы купцов для учреждения торгового дома на принятых ранее правительством основаниях⁷. Он приступил к разработке нового проекта устава торгового дома и к составлению секретной инструкции для действий товарищества. Последнее получало «необходимое количество пушек и снарядов» и «достаточное количество казаков в виде рабочих людей», но должно было работать при ближайшем участии и под непосредственным руководством министра финансов.

Пока Канкрин был занят этим, из Москвы направлялась в Астрабад торговая экспедиция под начальством тифлисского купца Эривандова; она должна была произвести опыт сбыта русских товаров в Астрабаде и Мезандеране. Эривандов вез с собою до 30000 пудов железа, 3000 пудов меди и стали, около 5000 пудов чугунных изделий и небольшое количество мануфактуры. 24 января 1839 г. экспедиция прибыла в Астрабадский залив, остановившись в 50 верстах от него в Гасан-Кули. Как сообщил Эривандов, подехавшие к судну на лодках туркмены потребовали 50 руб. серебром за стоянку в водах, «им принадлежащих», угрожая в случае неуплаты «сделать разбой». Съездив в Астрабад, Эривандов вернулся на судно и здесь же отдал товар в кредит персидским купцам, которые отговорили его ехать в глубь Персии. Получить от купцов причитавшиеся с них деньги за отпущенный товар Эривандову не удалось, пришлось удовольствоваться приобретенным хлопчатой бумагой и марены⁸. Ознакомившись с ходом экспедиции Эривандова, царь нашел «такое начало торговли нашей в Астрабадском заливе хорошим» и преподал совету «споспешествовать для достижения своих целей». Узнав о «неприязненных действиях» туркмен и о том, что во время стоянки судна в Гасан-Кули туркмены похитили одну корабельную лодку, царь «для защиты от туркмен высочайше повелеть соизволил снарядить с ген. Головинным об учреждении крейсерства около тех мест»⁹. Коммерческие результаты экспедиции выразились в следующих цифрах: за казенное железо, стоившее 14 197 руб., было выручено 33 519 руб.; товары частных лиц, стоившие 51 064 руб., были проданы за 47 501 руб.

¹ МИД. Га. арх., I—9, 1836—1864, № 5, лл. 2—10— Отношение Темиразева Родификину от 21/III 1836 г., № 450; см. также ЦИИА, оп. 1773, к. 87, ст. 3565, п. 2, св. 3, лл. 84—86.

² МИД. Га. арх., I—9, 1836—1864, № 5, лл. 12—15— Отношение Нессельроде Канкрину от 15/VI 1836 г., № 1312.

³ Что это было в значительной мере так, показал дальнейший ход дел на персидско-туркменской границе, который вскоре (в 1840 г.) привел к тому, что приатские туркмены, ущемленные в своих интересах персидскими пограничными властями, с одной стороны, и теснимые хивинцами — с другой, снова поставили вопрос о принятии их в российское подданство; туркмены просили царское правительство прислать военное судно для защиты их поселений от персидских властей и устроить постоянное укрепление на Серебряном Бугре. Получивший незадолго перед тем (в 1839 г.) от шаха титул «хана туркменского номадского народа», Киаг писал тогда же Перовскому: «Но я соглашаюсь снять с себя ханское достоинство и именовать просто по назначению русского начальства беком, но всегда быть с потомством и подвластным мне народом под покровительством императорской державы» (см. МИД. Га. арх., I—9, 1835—1840, № 12, лл. 7—32— Промежение на имя Перовского за подписями Киаг-хана, Казим-Мохамед-Тагана и Яхши-Мохамеда от 6/III 1840 г.).

⁴ Там же, лл. 30—31—Отношение Перовского Родификину от 28/X 1836 г., № 1588.

⁵ Там же, лл. 1—1, 1838—1849, № 1, лл. 12—56.

⁶ Там же, лл. 57—66— Журнал Азиатского Ком-та от 8/III 1838 г.; там же, I—9, 1839—1856, № 2, лл. 148—178.

⁷ МИД. Га. арх., I—9, 1836—1864, № 2, лл. 73—88— Отношение Канкрин Нессельроде от 1/VI 1838 г., № 2402.

⁸ Там же, лл. 67—69— Журнал Азиатского Ком-та от 12/XII 1838 г.

⁹ ЦИИА, оп. 1773, к. 87, ст. 3565, п. 2, св. 3, лл. 164—222.

¹⁰ МИД. Га. арх., II—3, 1836, № 5, ч. 1, лл. 42—43— Отношение Канкрин Нессельроде от 7/VI 1839 г., № 2850.

На докладе министра финансов, посвященном итогам экспедиции, царь сделал помету: «Не весьма удачно, но не надо терять надежды и повторить опыт»¹. Этот опыт был скоро повторен с участием того же Эривандова. Вопрос же об организации торгового дома для торговли с Азией был временно снят правительством. В конце 1839 г. правительство поставило на очередь вопрос о продвижении в Среднюю Азию по морским, а сухим путем, решив на этот раз послать вместо товаров солдат.

VII

В том же 1833 году, когда в качестве российского дипломатического представителя был послан в Персию известный своими авантюристскими замашками Гра Симончи, на пост самарского и оренбургского ген.-губернатора был назначен молодой, необычайно уверенный в себе, облеченный необычайными полномочиями гр. В. А. Перовский, один из сыновей старого екатерининского вельможи гр. А. К. Разумовского. Участник кампании 1812 г., близкий к кругам высшей дворянской интеллигенции и пользовавшийся интимной близостью к царю, адъютант Николай во время междоусобицы, пострадавший от удара поленом на Сенатской площади, принимавший участие в военных действиях под Анапой и Варной, раненый и заключенный в свиту царя, Перовский получил ген.-губернаторство отнюдь не как синекхуру. Он был призван для сугубо доверительных дел, на сугубо ответственном в данный момент участке.

На первый взгляд казалось, что в Оренбурге текла однообразная будничная жизнь далекой глухой провинции. За Оренбургом поперемногу расстилались безбрежные степи, где, как и в предшествовавшие три столетия, продолжали кочевать казахские племена, а в осенние и весенние месяцы длинной вереницей плелись караваны. Правда, «степь» в эти годы была особенно неспокойна.

Проникновение правительственного аппарата царизма в казахские степи сопровождалось постепенной ликвидацией принципов родового устройства казахов и организацией новых территориально-административных делений. Родовая казахская аристократия легко шла на сделки с царизмом, получая свою долю участия во власти и усиливая эксплуатацию широких казахских масс. В результате совместного действия двух факторов — с одной стороны, российского капитала, оперировавшего при посредстве татарской торговой буржуазии, с другой, представителей туземной феодально-родовой аристократии в лице султанов, биев, хождей, старшин — интенсифицировалось выкачивание продуктов от непосредственного производителя, усиливалась его эксплуатация. В 1837 г. был установлен известный кибытный сбор — 1 руб. 50 коп. с кибытки, — на средства от которого правительство проводило всевозможные мероприятия, начиная от постройки крепостей и кончая щедрой раздачей подарков султанам и биям. К общегосударственному налогу, выражавшемуся приблизительно в 115 тыс. рублей в год, прибавлялся «сеум» — сбор скота на содержание местного феодала. Это означало необходимость поставки 4 тысяч коней и 24 тысяч баранов в год². Было предпринято возведение укреплений и устройство около них поселений. «От распространения укреплений и внешних округов, — отмечал современник, один

из офицеров Западносибирского военного округа, — занявших большую часть плодородных земель киргизских, кочевья их более и более стесняются, а от притеснения их самих со стороны линейной стражи, пограничных жителей и окружных приказных начальств покорность их и добровольное подданство России содействуются более и более неблагонадежными. Злоупотребления по управлению киргизами, — продолжал тот же автор, — ... доводят нередко и самих киргизов до своеволия: иные за отнятое у них несправедливо ропщутся сами нападать и грабить того, у кого что могут отнять; другие, не видя никакого правосудия, убегают сотнями и даже целыми волостями... и, переходя от границ наших к пределам Хивы или Китая, делают из русских подданных китайскими или хивинскими и, оттуда перейдя в Ташкент или Кокаи, называют себя ташкентскими, коканскими, или вовсе не признают над собой никакой посторонней власти»¹.

Стихийные восстания народных масс, во главе которых временно становились отдельные представители родовой верхушки, учалялись. Еще не успели изгладиться следы движения, связанного с именем Каина Галия, как развернулось новое большое народное движение в Букеевской орде под предводительством Исетаи Таймазова². Это было восстание, направленное против ханской власти, это была борьба народных масс против «белой кости». Но на выручку хану шел отряд полк. Геке, и движение переросло в борьбу против царизма. Исетаи был разбит. Движение на этом участке было разгромлено. Но оно возобновилось в пределах Средней Орды. Связанное с именем Кенесары, оно охватило затихающий период 1837—1847 гг.

Если казахам Малой Орды, как и приказныйским туркменам, приходилось иметь дело не только с царскими чиновниками, но и с хивинскими зятекчиками, среднеордынские казахи подвергались притеснениям также со стороны коканцев. В районе Кокчетова между российским молотом и коканской наковальней оказался один из младших сыновей знаменитого хана Аблая султан Кенесары со своими многочисленными телегугтами. Пострадавший, как и дядя его Сарыджа, от коканских властей, временно задержанный в Кокане в качестве пленника, он возвратился затем на старые зимовки. Популяризм среди казахов и «поднятый ханом» своими приверженцами, он искал спасения с царским правительством, рассчитывая на помощь последнего в борьбе с коканцами. Но старые зимовки оказались уже занятыми, ханское звание уничтоженным, царское правительство не заинтересованным в появлении в киргизских степях сильного представителя старой аристократии. Царские власти не признавали Кенесары, преследовали его. Он собрал под своими знаменами недовольных и, так как их было много, у него скопился крупная сила. Заметим попутно, что писал ген.-губернатор Западной Сибири Горчаков, связывавший рост движения с проводившимися в крае административными реформами: «Первоначальное учреждение внешних округов в крае прилинейном проводилось почти без затруднений... но впоследствии, с распространением устройства в глубину степи, киргизы, не столь угрожаемые военной силой..., оказывали уже более сопротивление ко введению предначертанного порядка или, приняв его, не прекращали своеволия».

Особенно сильный «дух безначалия» царил, по словам Горчакова,

¹ МНД, Гл. арх., II—3, 1836, № 5, ч. 1, лл. 56—58 — Восподаннейший доклад Канкрина от 22/IX 1839 г.

² С. Асфендиаров. История Казахстана, I, стр. 135—137, Алма-Ата, 1935.

¹ МНД, Гл. арх., I—9, 1837, № 17, лл. 1—11 — Записка, составленная полк. Бутовским, от 14/XII 1836 г.

² А. Рязанов. Восстание Исетаи Таймазова (1836—1838 гг.), Кызы-Орда, 1927.

в Акмолинском округе. Прибытие же туда семейства Кенесары и его сообщников (конец 1837 г.) «образило это буйство в совершенный миг»¹. Кенесары совершал нападения на казачьи селения и станицы. Личный своих зимних стоянок и тесный правительственными отрядами, он вынужден был удалиться в район Тургай и Иргиза, к границам западного Казахстана. Теряя на пути стада и старых приверженцев, он, однако, легко получал новые пополнения. Упорно сопротивляясь и ведя партизанскую войну, он парализовал движение торговых караванов уже в пределах Малой Орды и держал в страхе местные власти². Если в конце 1838 г. действиями Кенесары был озабочен преимущественно ген.-губернатор Западной Сибири Горчаков, жаловавшийся на малочисленность линейных войск, на растянность линии и на то «сомнительное положение», в каком оказывался Акмолинский и ряд других приказов, подвергнутых нападениям отрядов Кенесары³, то с начала 1839 г. движение Кенесары начало в меньшей степени тревожить и оренбургского ген.-губернатора.

В начале января Перовский сообщал, что Касым и Кенесары совместно с казахским батыром Джигдаманом проводят большую подготовительную работу, что большая часть султанов готова присоединиться к мятежникам и что составляется уже «шайка» в 8 тыс. чел.⁴. А в начале февраля из Оренбурга уже сообщали о том, что «экспедиция небогатых киргизов и туркмен... разграбили казенный груз, находившийся на судах, шедших в Ново-Александровское укрепление»⁵. Тогда же поручик Антонов, отправившийся по поручению оренбургского губернатора на побережье Каспийского моря для сбора верблюдов, был схвачен в районе Гурьева казаками и отправлен в Хиву. И тогда же Перовский доносил, что хивинцы ведут усиленную антирусскую агитацию среди казахов, что по орде рассылаются «возмущительные письма», где от имени хивинского хана казахов призывают отложиться от России и отключать из ее пределов⁶. К весне 1839 г. активность хивинцев стала проявляться в степи с еще большей силой. Их призывы и угрозы стали находить еще больше отклик. «Разбой на Каспийском море — доносил Перовский, — продолжают усиливаться с беспримерной доселе дерзостью». Хан хивинский приказывал старшинам приморских аймаков и туркмен, чтобы они «всячески старались вредить русским»⁷. Лейт. Бодиско, посетивший в августе 1839 г. по поручению начальника Главного морского штаба Мангышлакский полуостров, извещал, что «меновой торг наш с кочевыми жителями здесь, можно сказать, не существует вовсе», что местные туркмены и киргизы настолько терроризованы хивинцами, что «прекратили с нами сношения даже дружественные старшины».

что «появлявшиеся туркменцы не подпускали к себе на выстрел и тотчас скрывались при нашем прибытии»¹.

К концу правления Могомед-Рахима Хива сбросила с себя зависимость от Бухары и стала консолидироваться в одно политическое целое, управлявшееся единой властью хана². Тогда же дает о себе знать и военно-политическая экспансия Хивы. В 1832 г. Хива завоевывает Мерв, подчиняет своему влиянию часть прикаспийских туркмен, а также усть-уртских и сыр-дарьинских киргиз, ставя им от себя ханов и устраивая на Сыре крепости Чиркайлы и Кинджабай. Хивинский хан не довольствуется этим, он хочет видеть пределы своего государства простирающимися до Эмбы и ведет работу среди киргиз, кочующих к северу от Мутоджар³. Некоторое время спустя Перовский доносил, что «к назаровцам, кочующим между Эмбой и Усть-Уртом, прислан уже от Алла-Кула киргизец, сборщик податей, который склоняет кайсаков отключать от российских пределов, угрожая в противном случае разорением»⁴. Был даже момент (в 1833 г.), когда в Оренбург прибыл хивинский зысметчи, объявивший бухарским и русским кушачам, что караваны их будут разграблены, если захотят миновать Хиву⁵. В своем донесении Чернышеву, пугавшем его хивинской агрессией, говорил о том, что нельзя дать Хиве превратиться «во вторую Зангирию половины XVIII в». Это звучало, разумеется, гиперболой и было рассчитано на возбуждение в петербургских правительственных кругах активного интереса к среднеазиатским делам.

Сам Перовский, выступивший в начале 1835 г. с планом похода на Хиву, считал это предприятие весьма не сложным⁶. Преподобный Виткевич, посланный им в конце того же года с караваном в Бухару и Хиву, признавал, что хивинцы «осмелели» и «распространили власть свою далее, чем когда-либо со времени заложения Оренбурга», считал вместе с тем, что «если бы стать твердо ногою на Сыр-Дарье, то нет никакого сомнения, что хивинцы сделались бы совершенно ничтожными» и «власть и влияние их исчезли бы вовсе»⁷. На борьбу с казахским национально-освободительным движением царское правительство не затрачивало в ту пору особенно больших сил. Можно даже сказать, что борьба эта в условиях политики, которую царизм проводил в Средней Азии, была для него иногда не безвыгодной. Уже в октябре 1839 г. Горчаков доносил Чернышеву, что в результате борьбы с отрядами Кенесары во веренных ему округах не только «сохранено спокойствие», «ясак собран в усиленном даже размере, торговые сношения несколько не потеряли», многие из султанов стали решительно действовать против Кенесары, но даже достигнуто «приобретение немалой добычи», которая «не только покрывает нынешние издерж-

¹ И. Серебрянников. Завоевание Туркестанского края, I, стр. 83—84, изд. 1908 г. — Отношение Горчакова Чернышеву от 1/VI 1839 г., № 293.

² Ахмет Кенесары. Султаны Кенесары и Садык. Визир. очерк. Ташкент, 1889; см. также С. Асфендияров. Указ. соч., стр. 139—144.

³ И. Серебрянников. Указ. соч., стр. 3—7 — Отношение Горчакова Чернышеву от 22/XI 1838 г., № 650.

⁴ Там же, стр. 8 — Отношение Перовского Чернышеву от 9/I 1839 г., № 127.

⁵ Там же, стр. 30—31 — Отношение Рокасовского директору Азиатского департамента от 13/II 1839 г., № 17.

⁶ Там же, стр. 31—32 — Отношение Перовского Чернышеву от 22/II 1839 г., № 566.

⁷ Там же, стр. 65—67 — Отношения Перовского Чернышеву от 29/V 1839 г., № 546 и 2/VI 1839 г., № 589.

¹ И. Серебрянников. Указ. соч., стр. 107—113 — Донесение Бодиско начальнику Главного морского штаба от 2/VI 1839 г., № 19.

² «Записки Русск. географ. общ.», V, стр. 280, СПб., 1851, Полн. Собр. Записки к карте Аральского моря Я. В. Ханькова.

³ МИД. Гл. арх., 1—2, 1840, № 12, лл. 1—29 — Записка, составленная Я. В. Ханьковым и датированная 1840 г.

⁴ И. Серебрянников. Указ. соч., стр. 152—153 — Отношение Перовского Неселовскому от 21/VI 1840 г., № 643.

⁵ М. Терентьев. История завоевания Средней Азии, I, стр. 105, 1906.

⁶ От 21/VI 1840 г., № 643.

⁷ ЦИГА, ВУА, № 18250, лл. 1—8 — Записка Перовского от 14/I 1835 г.

⁸ Там же, № 56035, лл. 1—2 — Извлечение из записки о путешествии прп. Виткевича в Бухару и обратно (1835 г.). Виткевич вышел с караваном из Орск 9/XI 1835 г., 2/I 1836 г. прибыл в Бухару, 18/IV вернулся в Орск (см. «Записки Русск. географ. общ.», V, стр. 333).

ки правительства, но доставляет и на 1840 г. экстренные способы для новых предприятий». Горчаков прилагал при донесении ведомость скота, отбитого в 1839 г. отрядами Сибирского корпуса у «сметажных киргизов», и определял его количество 69 тыс. голов. «Итого в приходе — значилось в ведомости — 131 181 р. 96 к.»¹.

Хива, как известно, являлась одним из главных среднеазиатских рынков по торговле невольниками. До последнего времени царское правительство проявляло относительное хладнокровие и в этом вопросе. Разумеется, такие факты как похищение в 1838 г. смотрителя эмбенских вод, как похищение четырехдупчатого бота с командиром и командой не могли не обратить на себя особого внимания правительства. Разумеется, сочетание таких двух форсирующих одно другое явлений, как активизация консолидирующегося хивинского ханства и рост национально-освободительного движения в соседней казахской степи, давало царскому правительству достаточные основания для тревоги. Ликвидация Хивы как задача внутренне-политическая — в интересах охраны вновь приобретенных колоний, и как задача экономическая — в целях борьбы за торговые пути, стояла перед правительством давно, и вопрос о ее разрешении актуализировался с началом губернаторства Перовского.

В своем письме из Астрахани чиновнику Азиатского департамента Любимову (от 25 ноября 1835 г.) Карелин, жалуясь на недобожелательное и враждебное отношение Темирязева к делам, касавшимся Ново-Александровского укрепления, приписывал эту неприязнь влиянию Перовского. Перовский, по словам Карелина, продолжал держаться «любимой своей мысли идти на Хиву из Оренбурга и заложить крепость на Сыр-Дарье». Вопросы о том, по какому направлению хотели идти на Хиву, сейчас мы касаться не будем, но Карелин правильно подметил мысль Перовского: это была мысль о военном походе, о походе прежде всего против Хивы. Умонастроение Перовского не было исключением. Вторая половина 30-х годов отличалась исключительной урожайностью в отношении всякого рода воинственных проектов и планов, составлявшихся в недрах царского военного ведомства. Большинство из них принадлежало авторам, не занимавшим ответственных постов и выступавшим в качестве добровольных советчиков, сочувствующих доброжелателей. Однако, если даже подвергнуть опорочению мотивы этих выступлений, самый факт их появления нельзя не признать для рассматриваемого периода характерным. Подпоручик Генерального штаба Рельи изучает вопрос о возможных в случае европейской войны диверсиях английских и французских агентов со стороны Трапезунда в направлении кавказского черноморского побережья.

Как показали последующие события, вопрос этот отнюдь не был праздным. Известно, что с 1836 г. в течение двух лет на черноморском побережье среди пашагугов под видом купца из Трапезунда деятельно работал английский агент Белли; среди горцев Абхазии также под видом купцов подвизались англичанин Лонгворт, капитан английской службы Маррин и лейтенант Иддо. Известно, что они импортировали в Черкесию не только свинец, сталь и порох, но и подложные грамоты, писанные от имени английского короля и египетского папы и заключавшие в себе призыв к борьбе с русскими. Известно, что

они наделали царскому правительству столько хлопот, что в 1837 г. за поимку Белли было назначено 3 тыс. руб. сер., а в следующем, 1838 году, по рапорту Головина, предлагавшего объявить этих иностранных агентов «вне права народного» и произвести «гласную оценку их голов», царь вынес решение: «Возыскать, по ближайшему усмотрению г.-л. Раевского, но не более как до 1000 червонцев, назначенную за выдачу английских эмиссаров цену, если их представят живыми»². Производящий изыскания в плане англо-русской борьбы на Востоке поручик Рельи не ограничивается описательной работой, но пытается также, со своей стороны, дать известный рецепт действий, намечаемых в том же плане англо-русской борьбы. Вдохновленный экспедицией, предпринятой к восточным берегам Каспийского моря, он указывает на Астрабад и на Балхавский залив как на плацдарм, откуда должны развиваться дальнейшие действия: с одной стороны, торговые, с другой, военно-политические, выражающиеся в посылке военных инструкторов в мелкие среднеазиатские государства и в приближении к границам Индии, чтобы «потратить» в ней английское владычество³.

Работавший в штабе Кавказского военного округа кап. Мочульский разрабатывает целым рядом записок. В марте 1835 г. он разрабатывает проект высадки десанта на юго-восточном побережье Каспийского моря и похода десантного отряда через Бухару на Кабул⁴. В сентябре того же года он проектирует организацию морской экспедиции на Инд. Набранные из военных поселов солдаты высаживаются под видом колонистов; на Инде строятся укрепления, солдаты занимаются земледелием и одновременно несут военную службу; военное поселение на Инде призвано укрепить влияние царизма и русскую торговлю в Средней Азии⁵. В записке того же Мочульского, датированной 1837 г., снова ставится проблема овладения Индией, причем для разрешения этой проблемы намечается проведение ряда предварительных мероприятий, торговых и политических. По линии торговли намечается учреждение фактории в Астрабаде и организация товарных складов в Мешхе и Герате; по линии политической — сближение с афганскими владетельцами, с Лагором и с эмирлом Синда, привлечение армян при посредстве Эчмадина к распространению русской торговли и русского влияния в областях, сопредельных с Британской Индией и, наконец, «склопление Персии к совокупному действию с нами противу Хивы». Отметая двудеинный характер пути, ведущего к основной цели, автор подчеркивал: «Одна торговля без силы никогда не упреждала себе долговременного владычества»⁶.

Служащий в войсках Западносибирского военного округа полк. Бутковский останаививает внимание правительства на том, что англичане, «смело и успешно» распространяя свое влияние в Средней Азии, «приближаются также к киргизам», из которых «извлекают существенные выгоды» надлежало бы царскому правительству, чтобы «вознаградить оными ту потерю огромных сумм, которой стоило Рос-

¹ АКАК, IX, стр. 453—457 — Рапорт Раевского от 8/IV 1838 г., № 1; Рапорт Головина Чернышеву от 6/VI 1838 г., № 596 и Отношение Чернышева Головину от 16/VI 1838 г., № 331.

² ЦВИА, ВУА, № 23362, лл. 1—14 — Записка Рельи от 30/VI 1834 г.

³ ГИМ, Арх. бар. Розена, № 8, лл. 288—310 — Записка Мочульского от 11/III 1835 г.

⁴ Там же, № 9, лл. 194—223 — Записка его же от сентября 1835 г.

⁵ ЦВИА, ВУА, № 55899, ч. 1 (Записка имеет заголовок «Описание Индийского полуострова»).

⁶ И. Серебряников. Указ соч., стр. 201—203 — Отношение Горчакова Чернышеву от 18/XI 1839 г., № 709.

⁷ МИД, Гл. арх., I—9, 1835—1839, № 3, лл. 68—71.

сия приобретение киргизов». Критикуя проводимую царизмом систему управления казахскими степями, автор в заключение указывает на неотложность проведения твердой государственной границы, на необходимость «решительно и вносяло устроить нашу укрепленную линию между Каспийским морем и Китаем, по р. Аму-Дарье... и стать там твердо ногою». Автор проектирует высадку десанта в Астрабадском заливе и одновременное движение русских отрядов от побережья Каспийского моря, Оренбурга и Семипалатинска в район, прилегающий к Аму-Дарье, в результате чего Хива должна оказаться включенной в русскую границу¹. Даже автор анонимной записки, обращавшейся в ту пору в министерстве иностранных дел и посвященной вопросу о развитии русской торговли в Средней Азии и о наиболее выгодных для России торговых путях, в заключительной части своих рассуждений оставлял узко-экономическую трактовку вопроса. Советуя подражать английской политике в Индии и Америке, он выдвигал со своей стороны план не менее «решительных» и «смелых» «ударов», намечая районы действий не только Афганистан и Синд, но и Восточную Сибирь и даже Сандвичевы острова. Выход приверженцев кунтаторской политики в Азии, автор решительно отводил доводы тех, кто высказывался за необходимость откладывать овладение новыми рынками до появления избытка товаров: правительство должно завоевывать рынки превентивно, «для доставления народной промышленности выгодного направления»².

Еще в 1835 г. царю была подана записка, составленная оренбургским ген.-губернатором. Перовский доказывал, что на протяжении столетий попытки царского правительства связать мирные экономические и политические сношения с Хивой оставались бесплодными: хивинцы специализировались в роли «разбойников», грабителей караванов и «основывающих быт своего ханства... на безвозмездной черной и тяжелой работе невольников»; «Хива ныне, как и прежде, служит разбойничьим вертепом всей Средней Азии». Напоминая о том, что присоединение Алжира Франция мотивировала оскорблением французского консула, Перовский указывал, что у России имеются в отношении Хивы мотивы несравненно более веские. Вместе с тем овладение Хивой не доставит трудностей и будет плодотворным: «Франция употребила на завоевание Алжира миллионы и навсегда сохранила завоеванное сверх пополнения утраченного. Россия завоевание Хивы не будет стоить 1/10 доли того, но вся Средняя Азия возродится, восстановит от опеченения своего..., обогатится торговлею и промышленностью России»³. Прочитав записку Перовского, царь напел «основательной» мыслью его «о несомненном праве России силою оружия положить конец дальнейшим хищническим хивинцев и даже самому политическому бытию народа». Но «приступить ныне же к сему предприятно» было признано «невозможным». Перовскому было предложено заняться составлением «подробного соображения о способах к успешному совершению экспедиции»⁴. Действуя согласованно с западносибирским ген.-губернатором, хотя и нередко конфликтуя с ним, Перовский, укрепившись в Тюп-Карагане, проводит далее работу по укреплению и выпрямлению Оренбургской линии.

¹ МНД, Гл. арх. I—9, 1839, № 17, лл. 2—12 — Записка, составленная полк. Бутковским 14/III 1836 г.

² Там же, II—3, 1839, № 7, лл. 2—44 — Записка, составленная в 1839 г. и имеющая заголовок: «Мысль о русской торговле».

³ ЦВИА, ВУД, № 18250, лл. 1—5 — Записка Перовского от 14/I 1835 г.

⁴ Там же, лл. 9—10 — Письмо Чернышева Перовскому от 14/I 1835 г.

В ту пору у Петербургского правительства еще не было принято ставить вопрос о твердых границах в среднеазиатских степях: наоборот, его считали необходимым отодвигать. Однако «включить в пределы империи» часть годных к земледельческой культуре казахских степей представлялось делом безусловно полезным¹. У оренбургского ген.-губернатора была более четкая точка зрения на «пределы империи»: в 1835 г. он готовился к экспедиции-рекогносцировке в направлении к р. Сыр-Дарье с целью изучения путей будущего похода на Хиву. Военный министр отклонил личное участие Перовского в экспедиции. Тогда Перовский вовсе отказался от организации экспедиции, считая личное свое участие необходимым условием; в защиту своего положения Перовский приводил тот довод, что русская граница лежит не на Урале, а на Сыр-Дарье, и что казахская степь входит в состав Оренбургского края².

В то время как Горчаков работает над проектом постройки новых укреплений в Западносибирском округе³, Перовский основывает новую линию от Орска до станицы Березовской на 478 верст, учреждая форты Наследнический, Константиновский, Николаевский, Михайловский и переселяя сюда казаков со старой линии. Несколькo севернее он намерен строить руками башкир непрерывный вал в 6 фут. вышины со рвом в 6 фут. глубины. В 1836 г., когда вал был построен на протяжении 18 верст, мысль эта была оставлена⁴. В деле «умиротворения» степи Перовский тяготел преимущественно к действиям небольших отрядами, отправляемыми в глубь степи для наказания «виновных», захвата пленных и угона у них скота. Это была система своего рода официальной баранты. Одним из ярких примеров ее являлся набег казачьего отряда в 1836 г. на поселения строптивых адаевцев на полуострове Бузачи, откуда отряд вернулся с крупными трофеями.

1837 год прошел в Оренбурге относительно спокойно, и именно в этом году Перовскому удалось провести учреждение кибиточного сбора с казахов. Незадолго перед тем, летом 1836 г., была проведена мера, применявшаяся неоднократно еще и ранее (с 1754 г.) — повсеместное задержание хивинских купцов вплоть до освобождения из Хивы всех содержавшихся там в неволе российских подданных. Всего было задержано 572 хивинца с товарами на 1 400 000 руб. К январю 1837 г. прибыл в Оренбург хивинский посланец Кабыбай для объяснений. Его не признали послом и предъявили Хиве требование о выдаче русских пленников в четырехмесячный срок. Осенью 1837 г. прибыла из Хивы первая небольшая партия пленников (25 чел.). В середине 1838 г. возвращено еще 5 чел., через год — 80⁵. А так как российские подданные захватывались обычно казахами и туркменами, продававшими их в хивинскую неволю, царские власти тогда же предприняли захват казахских и туркменских рыбаков на Каспийском море с целью ускорить размен пленными. Разрыв торговых сношений с Хивой вызвал некоторое беспокойство среди московских гостинодворцев и фабрикантов села Иваново, отсутствовавших хивинцам товар в краткосрочный кредит. Таможенные власти приступили к

¹ МНД, Гл. арх. I—1, 1834, № 76, лл. 75—77 — Всеподанный доклад 3/III 1834 г.

² ЦВИА, оп. 276, св. 34, 1841, № 31, лл. 1—9.

³ В течение 1833—1840 гг. были построены Актаевское, Улутаское и Джергань-ацкое укрепления.

⁴ М. Терентьев. Указ. соч., I, стр. 93—96.

⁵ Там же I, стр. 110—112.

разборке тюков¹. Однако от разрыва сношений, как признавал сам Перовский, «наша среднеазиатская торговля не потерпела»; наоборот, цены на русские товары в Хиве возросли, а хлопчатая бумага подешевела на 50 проц.²

Как мы видели, положение в степи со стороны Омска признавалось Горчаковым в середине 1839 г. относительно удовлетворительным. Перовский был занят подготовкой ученой экспедиции к берегам Аральского моря. Проект этой экспедиции был представлен Перовским еще в марте 1837 г. Он был принят, но осуществление его было отложено до весны 1838 г.³ Подготовка к экспедиции шла медленным ходом. Отложенная до весны 1839 г., она не была окончательно подготовлена и к лету. Академия Наук, которая должна была принять участие в экспедиции, раскчалась только к середине июля 1839 г., наместив, со своей стороны, состав экспедиции с академиком Бером во главе⁴. Правда, оренбургское начальство ставило дело на широкую ногу. Для ученой экспедиции было отпущено рубашечного холста и сапожного товара из расчета на 2870 строевых и 200 пестровых нижних чинов⁵. Для столь солидного конвоя было заготовлено 1022 тыс. боевых пехотных патронов⁶. Для прикрытия ученой экспедиции было предназначено 4 орудия, 8 десятифунтовых горных единорогов и боевые ракеты⁷.

Пока в Оренбурге велись работы по подготовке ученой экспедиции к восточным берегам Аральского моря и неприменный секретарь Академии Наук Фуе совместно с академиком Бером разрабатывали план предстоящих работ по измерению высоты уровня Аральского моря, Перовский успел побывать в Петербурге, познакомиться с царем и министрами, преодолеть сопротивление министров военного и иностранных дел и обсудить в Особом комитете ряд важных вопросов. 7 февраля 1839 г. он представил в Комитет проект военной экспедиции в Хиву. Предполагалось сформировать отряд из 4 тыс. чел. при 12 орудиях и отправить его в зимнее время из Оренбурга в Хиву через Усть-Урт. Расходы на экспедицию определялись в 12 тыс. червонцев. Длительность экспедиции была рассчитана на полгода, подготовка же, предполагалось, может продлиться более года. К проекту Перовский приложил свою старую записку от 1835 г. и то отношение Чернышева, где передавалось выраженное царем принципиальное одобрение первоначального предложения Перовского.

Свои старые доводы в пользу похода Перовский дополнил теперь соображениями о создавшемся в степи положении: вызванный разрывом русско-хивинской торговли недостаток денежных средств в ханстве и оскудение ханской казны привели к усилению поборов, взимаемых хивинскими язакчицами с казыхов и туркмен, и породили среди них такое недовольство, что есть все основания рассчитывать на их активное выступление против Хивы. Перовский считал необходимым предать предстоящее выступление широкой огласке и даже задалась вопросом, следует ли возвращаться с пути, если хивинский

хан, прослывавший об экспедиции, согласится на все требования России¹. В эту пору англичане уже шли на Кабул, и проект Перовского, который в 1835 г. был признан преждевременным, имел все шансы встретиться сочувствие.

Журнал Особого комитета, рассматривавшего проект на своем заседании 11 марта, «важнейшую» цель экспедиции определял так: «восстановить и утвердить значение России в Средней Азии, ослабленное долговременной несправедливостью хивинцев и, в особенности, тем постоянством, с которым английское правительство во вред нашей промышленности и торговле, стремится к распространению своего господства в тех краях». Конкретизируя мотивировку принимаемого решения, Особый комитет рассуждал: «Нет сомнения, что экспедиция в Афганистане будет иметь последствием новое усиление власти и влияния англичан над всем населением Средней Азии, но... сколь бы ни было велико это влияние, оно неминуемо и весьма сильно должно быть поколеблено последующим занятием Хивы, освобождением соседних туркмен и кайсаков от дани хивинской и ограждением Бухары от грабежей и насилий».

Вторую политическую целью экспедиции Комитет намечал «освобождение нескольких тысяч персцев, находившихся в плену у хивинцев, что «несомненно содействовать будет к утверждению политического первенства нашего в Персии». Если предпринятый англичанами поход в Афганистан требовал, по мнению Комитета, ответного похода русских войск на Хиву, то эта же английская агрессия, связывая руки англичанам, создавала для активных операций царского правительства благоприятные условия. Считая, что одним «наказанием» и одним освобождением русских пленных дело ограничиться не должно, Комитет рекомендовал, следуя примеру англичан, стремившихся к низвержению с кабульского престола Доста и к водворению своего ставленника Шоджи, низвергнуть с ханского престола Алия-Кулу и водворить избранного для этой цели одного из «самых надежных» степных султанов. Комитет предусматривал необходимость, в случае если хан под влиянием искуса выполнит требование раньше, чем экспедиция достигнет Хивы, продолжать поход под любым предлогом, хотя бы под предлогом взыскания издержек на поход. Было постановлено ассигновать Перовскому нужные деньги, освободить его от отчетности по обычным контрольным правилам, предложить ему немедленно начать подготовительные работы, учреждая по назначенному пути следования «становища с гарнизонами» и ведя дело так, чтобы экспедиция могла двинуться по поздней весны 1840 г., хотя бы англичане к этому времени и не успели завершить своей экспедиции².

О научной экспедиции в Петербурге не забыли, и ее подготовку было решено продолжать, но в центре внимания оренбургского начальства стали теперь новые заботы. Результаты подготовительных работ к академическим изысканиям было легко переклассифицировать в план работ по подготовке военного «похода на Хиву»³. Перовский вернулся в Оренбург 30 марта 1839 г. Начинается заготовка продовольствия и покупка верблюдов. Устраивается стояноще на урочище Чуча-Куль при р. Ак-Булаке. Ведутся переговоры с правителем западной

¹ М. Терентьев. Указ. соч., I, стр. 110—112.

² И. Сербренников. Указ. соч., I, стр. 87—90.—Отчет Перовского по управлению Оренбургским краем с 1833 по 1842 гг.

³ ЦИНА, ВУА, № 2522, лл. 1—43.

⁴ И. Сербренников. Указ. соч., I, стр. 90—97.—Отношение неперсского секретаря Академии Фуе мин-ру народного просвещения от 14/III 1839 г., № 844.

⁵ Там же, стр. 43.—Отношение Чернышева Перовскому от 3/IV 1839 г., № 2631.

⁶ Там же, стр. 106.

⁷ Там же, стр. 46—47.—Отношение Перовского Чернышеву от 25/IV 1839 г., № 257.

¹ И. Сербренников. Указ. соч., I, стр. 11—29.—Всенародный доклад Перовского от 7/II 1839 г.

² ЦИНА, ВУА, № 1166, лл. 240—246; И. Сербренников. Указ. соч., I, стр. 33—37, Журнал Особого комитета от 11/III 1839 г.

³ И. Сербренников. Указ. соч., I, стр. 130.—Отношение Перовского Чернышеву от 6/IX 1839 г., № 159.

части Орды султаном Айчуваковым о его кандидатуре на ханский престол. Из Петербурга с выступлением не торопили, и 12 сентября 1839 г. Чернышев, сообщая Перовскому о согласии царя отложить учебную экспедицию до окончания военной, предупреждал о том, что царь не будет возражать и против некоторой отсрочки военной экспедиции. Опасаясь безводья пустынь¹, Перовский ориентировался на зимний поход и старался досрочно закончить подготовительные работы. Уже 21 августа 1839 г. он писал Чернышеву, что в основном «приготовления окончены» и «отряд в ожидании первого снега»².

В конце сентября 1839 г. Перовскому стало известно, что Айчуваков отказался от ханского трона; при таких обстоятельствах наиболее удобным и желательным кандидатом на престол являлся, по его мнению, Инах хивинский, младший брат Алла-Кули, руссофил, некогда назначенный в ханы отцом, но отстраненный вельможами. Перовский проектировал захватить Алла-Кулу в плен и привести в Россию и намечал мероприятия по временной организации власти в Хиве на случай, если бы Инах при приближении отряда бежал от страха. Перовский просил министерство снабдить его директивами, как при таких условиях поступать с русским отрядом³. Собравшийся для обсуждения поставленного Перовским вопроса, Азиатский комитет одобрил проектировавшийся оренбургским ген.-губернатором ангажированный способ разрешения династического вопроса. Предоставив Перовскому самые широкие полномочия, разрешив ему в случае надобности оставить отряд в Хиве на продолжительное время, Комитет наметил вместе с тем основные пункты того трактата, который должен был подписать будущий хан и редакция которого должна была быть сделана «с крайней осмотрительностью», дабы ничто в оном не могло подать повода к ложным толкованиям о намерении России распространять свои владения к центру Азии. Новый правитель должен был, отказавшись от всяких враждебных действий против России, от принуждения караванов идти через Хиву и от обложения их пошлинами, обязаться вместе с тем «не простираť власти своей на подчиненных нам кайсаков и туркмен, срыть укрепления на Сыре, уравнивать русских купцов в правах с хивинскими (2½ проц. пошлины) и допустить пребывание постоянного русского консула в Хиве»⁴.

Вместе с проектом торжественного «обязательного акта», который Перовский должен был отвезти с собою в Хиву на подписи новому хану, в Оренбург пересылались подарки, предназначавшиеся для будущего союзника России: серебряный чайный сервиз, два куса нарчи, шесть хорьковых мехов и четыре золотых часов⁵. В одном из своих донесений, относящихся к этому времени, Перовский предупреждал, что сохранить подготовку экспедиции тайно не удастся, что дело приобрело широкую известность⁶. Следует полагать, что Перовский к этому и не стремился: ведь не так давно он выражал надежду на то, что, услышав о готовящемся походе, казахи и туркмены поднимутся и сами «разграбят Хиву, прежде чем отряд

наш успеет туда дойти»¹. Надежды на казахов и туркмен в данном случае не оправдались, но в высших правящих сферах царской России идея похода встречала горячее сочувствие.

VII

Идея похода против Хивы встретила среди царского генералитета живой отклик.

Прочитав в № 278 «СПб ведомостей» об отправлении военной экспедиции из Оренбурга, генерал-майор Веригин, старый специалист по восточным делам, 14 лет назад выступавший с проектом завоевания Хивы, решил снова взяться за перо и откликнулся на это известие особой запиской, представленной им военному министру. Опубликованное в печати официальное сообщение говорило о том, что, коль скоро требования царского правительства будут Хивой удовлетворены, войска вернутся обратно в Россию. Веригин не был знаком с постановками Азиатского комитета и возражал против такой постановки вопроса: после ухода русских войск из Хивы враждебные действия последней против России возобновятся с еще большей силой, «англичане же с еще большим успехом будут совершать свое продвижение к границам Бухары, затруднения... еще более увеличатся, и с нашей стороны... потребуются новые значительнейшие жертвования и превосходнейшие силы против ныне отправленного туда военного вооружения». Мнение Веригина было таково: «Не токмо не выводить из Хивы военного нашего отряда... но, напротив того, по возможности стараться еще более усилить там наш отряд войск, обратив надзорки, потребные на содержание оного за счет доходов хивинской области»; «утвердив навсегда за собой Хиву», следовало, по мнению Веригина, «обратить сей город в безопасное складочное место собственных наших товаров». Веригин убеждал не останавливаться ни перед какими издержками для достижения этой цели: если отряда, посылаемого из Оренбурга, окажется недостаточно, отправить второй отряд из Гурьев по маршруту Бековича и воспользоваться теми возможностями, которые представляет в этом отношении Астрабад. «Упрочив силою оружия в наше владение Хиву, нужно было часть находящихся в беспрерывном отпуску солдат-христиан обратить на поселение их в окрестностях Хивы и по берегам Аральского моря», создав таким образом самоукрепленное «прочное охранительное военное поселение»; вместе с тем предполагалось «оставить в С.-Петербурге временный комитет по делам Средней Азии по примеру других западноевропейских государств, имеющих в Индии свои владения». «Такое восхитительное событие, — заключал ген. Веригин, — возбудит в сердцах верноподанных его величества беспредельную благодарность и возвысит славу его империи»².

В те же дни представил на высочайшее имя свои соображения бывший сподвижник Дибича по турецким походам ген.-ад. Толь. По вопросу о предстоящем временном пребывании русского отряда в Хиве Толь развивал те же мысли, что и Веригин. «По моему мнению, — писал он, — надобно бы совершенно утвердиться в Хиве как во избежание нарушения договоров с их стороны, так и для образования в Хиве главного складочного места нашей торговли с Азией». На

¹ И. Серебрянников. Указ. соч., I, стр. 125—127 и 134 — Отношение Перовского Чернышеву от 21/VIII 1839 г., № 141, и отношение Чернышева Перовскому от 12/IX 1839 г., № 21.

² Там же, стр. 148—150 — Записка Перовского, посланная Нессельроде при отношении от 3/IX 1839 г., № 187.

³ Там же, стр. 158—163 — Журнал Азиатского в-та от 10/X 1839 г., утвержденный царем 17/X 1839 г.; см. также МИД. Гл. арх., I—9, 1839, лл. 159—165 — Всеподанный доклад.

⁴ И. Серебрянников. Указ. соч., I, стр. 164—168.

⁵ Там же, стр. 134—136 — Отношение Перовского Чернышеву от 12/IX 1839 г.

¹ Там же, стр. 11—29 — Записка Перовского от 7/II 1839 г.

² ЦВИА, ВУА, № 1166, лл. 479—485 — Записка Веригина от 13/II 1840 г.; см. также И. Серебрянников. Указ. соч., II, стр. 14—19.

худой конец, если слишком настоятельна будет необходимость не возмущать опасений в Англии, в качестве программы-минимум гр. Толъ намечал овладение «твердым пунктом на восточном берегу Каспийского моря, дабы отсюда делать поиски на Хиву». Ген. Толъ имел в виду постройку укрепления на берегу Красноводского залива. Он требовал вместе с тем усилить перевозоспособность русской флотилии на Каспийском море, чтобы без затруднений и замедлений можно было перебрасывать артиллерию и войска из Баку в Красноводск. Толъ указывал на возможность и необходимость использовать в военных целях против Хивы живущих на побережье туркмен, находящихся в зависимости от нее. Так как эта зависимость коренилась бы главным образом в недостатке у туркмен хлеба, он проектировал организацию систематического снабжения туркмен хлебом из Астрахани и развитие среди них русской торговли: «При посредстве сей торговли можно бы легко сделать совершенно зависимою от России всю прибрежную Трухмению, а в Красноводске образовать главное складочное для сей торговли место». Привлечение к России туркмен привело бы в том, что «русский отряд, утвердившийся однажды на восточном берегу Каспийского моря, мог бы пасть в народе сем готовую и отличную козницу на случай поисков против Хивы». Враждебная Хиве Персия препятствовать всему этому не будет, томящиеся же в хивинской неволе 3 тыс. персов совместно с 3 тыс. находящимися там русских явятся желанными союзниками в стане врага¹.

Если Веригин знал на Хиву и говорил об устройстве там военных поселений, если Толъ в дополнение к этому предусматривал также занятие Красноводского залива, начальник Морского штаба кн. Меншиков, помимо занятия Хивы, выдвигал еще одну новую задачу. Исходя из общего положения, что «покорение Кабула англичанами и обилие войск их с Бухарию» является «главнейшей причиной, противодействующей нашему влиянию» в Средней Азии, он предлагал ответить на это «оближением наших войск с народами, в той полосе Азии обитающими, и основанием на Сыр-Дарье значительного с поселением укрепления». Так как казаки или, как он их называл, киргиз-кайсаки, живущие в бассейне Сыр-Дарьи, состоят в подданстве России, «занятие берегов Сыр-Дарьи» никому бы в голову не пришло рассматривать как «захват». Результатом действий в этом направлении должно было, по мысли Меншикова, явиться укрепление влияния царской России не только в Хиве, но и в Кокане и в Бухаре, и открытие путей через Аральское море к Афганистану².

Когда царь читал записку, представленную ген. Толем, судьбы предприятия Перовским военным «поиском на Хиву» уже вырисовывались. В это время всякая возможность выхода из положения, создавшегося военным «поиском», была особенно ценна. Царь прочел записку «с особенным вниманием и удовольствием» и через военного министра благодарил генерала «за труд»³.

Записка кн. Меншикова послала к тому времени, когда экспедиция Перовского была уже закончена; записка эта была составлена, несомненно, с учетом результатов экспедиции и имела своим последствием активизацию действий западносибирского ген.-губернатора⁴.

Приведенные нами генеральские записки являлись, хотя и сим-

¹ ЦНИА, ВГА, № 1166, лл. 334—342 — Записка ген.-ад. гр. Толъ от 24/II 1840 г.; см. также И. Серебряников. Указ. соч., II, стр. 23—27.

² Там же, № 1184, лл. 1—4 — Записка кн. Меншикова от 4/III 1840 г.

³ Там же, № 1166, л. 343.

⁴ Там же, № 1184, лл. 3—4.

томатичным, но запоздалым откликом на предпринимавшуюся экспедицию: генералы раскаивались медленно, поход же закончился быстрее, чем предполагали его инициаторы.

IX

Отряд под начальством Перовского выступил из Оренбурга 14 ноября 1839 г. В отряде насчитывалось до 5 тыс. солдат, 4 генерала и 14 штаб-офицеров при двух орудиях и десяти горных единорогах. Отряд сопровождался громадным транспортом из 10500 верблюдов и 2000 киргизских возчиков. Растянувшись линией на 8 верст, отряд шел четырьмя колоннами в полном боевом порядке. Канальера была в парадной форме, пехота — в обмундировании, специально сшитом для похода. Продовольствие было взято большое — на полгода для 5 тыс. человек. Каждому солдату выдавали по фунту мяса в день; офицеры получали сытные обеды с шампанским.

Перед выступлением была проведена большая подготовительная работа. Было предусмотрено многое, но не все.

Пути на Хиву русским был знаком плохо. Направление определялось только с приближенной степенью точности; ориентировались на то направление, которое было рекомендовано полковником Бергом еще в 1825 г. Особенности местного климата были тоже изучены плохо — не предусмотрели возможности сильных морозов. А зима в этом году была ранняя и суровая — во время экспедиции стояли 20—30-градусные морозы; обильный снеговой засыпал все дороги и тропы; образовавшаяся на земле ледяная кора уничтожила возможность добывания подножного корма.

Не было предусмотрено и отсутствие в пути воды и топлива, вследствие чего нельзя было рационально использовать громадные запасы продовольствия. Бивуачные огни удавалось разводить только 2—3 раза в месяц; мясо приходилось есть полусырым.

Специально сшитое для солдат обмундирование в условиях зимнего похода оказалось негодным: головы у солдат были в тепле, а ноги в холоде. Спать приходилось на мерзлой земле, покрытой тонкими кошками. Солдаты не меняли белья.

Через две-три недели после начала похода в отряде начались желудочные заболевания, цинга и «горячка». Больных кляли в обидные лазаретные фургоны, где они простужались и откуда редко возвращались живыми. Началась убыль в войсках. У Ак-Булака в отряде болел каждый второй и умирал каждый пятый.

Среди командного состава не было единства и единодушия. Перовский держался «изолированно и недоступно»¹. Открытую борьбу с ним вел начальник головного отряда ген. Цюлковский, бывший полковник польской армии, наживший крупные капиталы на расхищении башкирских земель, жестокий и мстительный, радовавшийся неудачам экспедиции. Множество офицеров-трутней истребляли с трудом добывавшееся топливо и поглощали весь спирт, имевшийся в обозе. Продовольственным делом ведал маркитант Зайчиков (Девен), осужденный в свое время Оренбургской уголовной палатой за продажу людей в Хиву.

Перовскому удалось справиться с Цюлковским; справился он и с «бунтовавшими» киргизскими возчиками, расстреляв двух «зачинщиков». Он был уверен в стойкости и выносливости своих солдат, да

и не боялся убыли в людях. «О неприятеле думать не приходится, — писал он в январе 1840 г., — каждый из нас стоит 10 хивинцев»¹.

Но было препятствие, с которым Перовскому справиться не удалось и которое сыграло решающую роль в судьбах экспедиции. Плохо отобранные, не приспособленные к тяжести военного снаряжения, не имеющие подножного корма, гибли верблюды. Уже вскоре после начала похода Перовский убедился в их «неблагонадежности» и тогда же в письмах своих к Булгакову, говоря о том, что «без них нет спасения», просил своего корреспондента «молиться за них»². К концу января в день падало по 130—150 верблюдов. И скоро из десяти тысяч осталось только четыре тысячи; всех верблюдов пришлось делить на две категории — «дохлых» и «издыхающих».

Перовский убедился в том, что следовать дальше нельзя, и что даже при немедленном возвращении придется бросить все продовольствие. Перовский признавал предпринятую им экспедицию «выкидышем». Не имея ни одного столкновения с неприятельскими войсками, не встретив по пути ни одного хивинца, экспедиция в начале февраля 1840 г. двинулась из становища Чуча-Куль на р. Ак-Булак (в 600 верстах от Оренбурга) в обратный путь. В двадцатых числах февраля Перовский был уже в Оренбурге.

На его последнем донесении от 30 января 1840 г., где сообщалось о невозможности продолжать путь, Николай I наложил резолюцию, требовавшую «безотлагательно» принять меры «для возобновления экспедиции при первой возможности»³. Тогда же было дано распоряжение об отправлении 24 рот и артиллерийской батареи с 8 орудиями из Москвы в Саратовскую губернию и о заготовке в Оренбурге 4-месячного запаса сухарей на 10 тысяч человек. Тогда же было дано распоряжение сосредоточить все суда Каспийской флотилии в Астрахани для предстоящей перевозки десанта. Как одна из очередных мер, намечается занятие и укрепление Мангышлака, куда был отправлен специальный офицер для рекогносцировки. Проектируется одновременная посылка отряда с Сибирской линии для занятия правого берега Сыр-Дарьи.

Однако назначить новую экспедицию на весну 1840 г. оказалось делом несущественным. Перовский не имел никакой возможности набрать новых верблюдов для нее. Было решено отложить экспедицию на весну 1841 г. Отказываться от мысли об экспедиции царь не считал возможным — наоборот, он считал особенно важным поддержать свой престиж в Средней Азии, пошатнувшийся в результате неудач зимнего похода. Необходимость новой экспедиции диктовалась также успехами, которых достигли к этому времени англичане в Средней Азии.

Заняв остров Каракку, заставив царское правительство отозвать Симонича и расстроив русско-персидский союз, свергнув Дост-Могамеда, англичане расположились на зимних квартирах в Афганистане. Некогда выгнанный из Кабула Берсе жил там теперь в качестве президента, устроив себе гарем из афганок.

Во время экспедиции Перовского приходили известия о присутствии в Хиве английских агентов. А в мае 1840 г. в районе Ново-Александровского укрепления был задержан капитан английской службы Аббот с отрядом афганцев и носильными орудиями. Аббот

заявил, что едет из Герата через Хиву в Россию, что ему удалось склонить хивинского хана возвратиться в Россию невольников — российских подданных и что, считая свою посредническую миссию законченной, он просит доставить его в Петербург.⁴ Аббот был взят под домашний арест и отправлен сначала в Оренбург, а затем в Петербург для передачи царю привезенных им подарков от хивинского хана. Царь не признал Аббота официальным представителем, подарки хана отверг и заявил Абботу, что не примет посредничества иностранной державы. Случай с Абботом показывал, насколько возросло английское влияние в Средней Азии за счет русского.

Подготовка новой экспедиции против Хивы продолжалась. Обстановка, в какой приходилось царизму действовать в Средней Азии, изменялась для него в благоприятную сторону. Осенью 1840 г. участились убийства солдат английской оккупационной армии в Афганистане, англичанам поставили отравленную муку, избивали их фуражиров. Враждебные настроения против англичан среди афганцев росли и скоро вылились в открытое восстание. 2 ноября 1840 г. произошло нападение повстанцев на квартиру Берсе и истребление всей миссии. Остальные англичане бежали из Афганистана и в Хайберском ущелье были поголовно истреблены. Началась расправа с английскими агентами, рассыланными по ханствам Средней Азии. Англия терала свой престиж в Средней Азии.

Успех реванша для царской России, казалось, был обеспечен. Однако новый поход против Хивы предпринят не был. В ноябре 1840 г., когда англичане были выброшены из Афганистана, Бруннов вступил с Пальмерстоном в переговоры о разграничении в Средней Азии сфер влияния России и Англии и о создании буферной территории⁵. Англичане готовы были обещать воздержаться от продвижения к северу от хребта Гиндукуша, но требовали признать Хиву и Бухару нейтральными буферными территориями.

Переговоры о нейтральной зоне продолжались до конца 1841 г. и не получили формального завершения. Зато в том же году в Лондоне закончились переговоры по ближневосточным делам, начатые Брунновым еще в 1839 г.

Бессильная противостоять соединенному натиску западноевропейских держав на Ближнем Востоке, царская Россия отказалась от Уника-Искелеского договора и соглашалась на подписание конвенции от 3/15 июля 1840 г. по турецко-египетским делам. Эта конвенция заключалась между Англией, Австрией, Россией и Пруссией, с одной стороны, и Турцией — с другой. Провизии объявлялись закрытыми для военных судов всех наций, Турция бралась под коллективную защиту четырех европейских держав. Но под этой конвенцией не было подписи представителя Франции, которая исключалась из европейского концерта и в качестве зрители должна была присутствовать при гибели планов своего египетского вассала. Царская дипломатия готова была видеть в этом если не успех, то наименьшее для себя зло: центром тяжести коллективных действий держав становился Египет, а не Турция; англо-французское согласие было разбито. «Англо-французский союз уже мертв...», — доносил Бруннов незадолго до подписания соглашения 1840 г. — «...Англия еще не с нами, но уже не с Францией... Брак, заключенный с Талейраном, уже расторгнут. Англия стала вдовой. Чтобы выйти за нее замуж, нужно много».

¹ Там же, стр. 140—147, 187—181.

² МЦД. Гл. арх., I—9, 1839, № 14, лл. 169—185 — Делеша Бруннова от 24/XII 1840 г.

¹ Русский архив, 1878 г., № 5, ч. II, стр. 34—46.

² И. Серебряников. Указ. соч., I, стр. 119—120.

³ Там же, II, стр. 33—39.

ловости и... много терпении, так как эта красивая женщина с большими капризами»¹.

Борьба за влияние, которую вела царская Россия с Англией в Средней Азии, не должна была служить помехой дружбе, налаживавшейся в ближневосточных делах. Подписание соглашения 3/15 июля 1840 г. делало невозможным второй хивинский поход. Соглашение с Англией, достигнутое парижом в ближневосточных делах, носило конъюнктурный характер. Радость царской дипломатии была непродолжительна. Англичане нуждались в ослаблении, но не изоляции Франции. И, когда она не только ослабила Францию, выбив на ее руки Египет, но и подорвала престиж России, заставив последнюю отказаться от Унклар-Искелесского договора и от права исключительного покровительства Турции, она снова вступила на путь примирения с Францией. Франции возвращалось потерянное ею место в конклерте держав: 1/13 июля 1841 г. представителями шести держав, включая и Францию, подписывалась конвенция о закрытии проливов.

Не подпустив Францию к Суэцкому перешейку, Англия не допускала и Россию к путям, которые вели в Индию. Царская дипломатия не теряла надежды на лучшее будущее. Коллективная гарантия Турции являлась коллективным пастушением на Россию, и в закрытии проливов царская Россия готова была видеть орудие самообороны от пастушества на нее врагов. Так как султан рассматривался еще как союзник России, проливы, казалось, находились в руках не врага, а друга. Жизнь этого «друга» — в этом Николай I был твердо уверен — не могла быть продолжительной. В течение всего последующего десятилетия Николай I жил уверенностью в близком распаде Османской империи и наступлении «новой эры». После подписания конвенции 1841 г. царь не оставлял надежды достигнуть положительного соглашения с Англией по турецким делам. Но занять место Талейрана в Лондоне представлялось уже невозможным. Призраком англо-французского блока мог снова появиться в Константинополе.

В среднеазиатских делах, где англо-русское соперничество ни на минуту не затухало, царскому правительству приходилось теперь соблюдать особенную осторожность. Во время восстания в Афганистане русский посланник в Тегеране удерживал шаха от выступления в помощь восставшим². Царское правительство ограничилось посылкой дипломатических миссий Никифорова и Данилевского в Хиву (в 1841 и 1842 гг.) и Бутенева в Бухару (в 1842 г.). И Данилевский и Бутенев приходили к заключению, что лучшим и единственным способом упрочить русскую торговлю в Средней Азии является разгром Хивы и военное воздействие на Бухару, что военный поход против Бухары вноше осуществим и что идти на Бухару следует через Хиву.

Но в период, когда царскому правительству приходилось ценить английскую «дружбу» на Ближнем Востоке, оно не могло приступить к осуществлению этих планов. Оно должно было ограничиться лишь созданием предпосылок для будущей активной политики. В этом плане правительство укрепляло свое влияние среди «непокорных» гасан-кулиских туркмен, руководимых Яхши-Магомедом (июль 1842 г.), осаждало побережье Новомангышлакского залива (1844 г.), возводило там Ново-Петровское укрепление (июль 1846 г.), устраи-

дало постоянные пароходные рейсы Астрахань-Астрабад (1846 г.), воздвигало Оренбургское укрепление на Тургае (1845 г.), Уральское на Иртызе (1845 г.), Раймекое — в низовьях Сыр-Дарьи (1847 г.), форты — Кара-Бутацкий и Кос-Аральский (1848 г.).

Все это были звенья единой цепи, скрепленной организацией казачьих поселений и проводимыми среди казахов племен реформами упрощения. В течение 1847—1850 гг. шли усиленные работы по изысканию угольных месторождений — сначала в районе Орской крепости, затем по побережью Аральского моря и на Мангышлаке. Топливо было нужно для организации пароходства по Аральскому морю и реке Сыр-Дарье. Вопрос о движении вверх по Аму-Дарье в рассматриваемое время не ставился — в эту пору Нессельроде заверил хивинского мехтера в «мирлобивых» намерениях царского правительства и объяснял факт постройки укреплений торговыми соображениями³.

Хивинский хан проявлял беспокойство не только за Аму-Дарью, но и за Сыр-Дарью, район которой стал теперь в центре среднеазиатской политики паризма. К середине 40-х годов сыр-дарьинский район приобретал особенно важное значение и потому, что в это время начиналось движение русских караванов в Кашгар, и потому, что, переживая процесс политической консолидации, в известном отношении аналогичный тому процессу, какой переживала Хива, Коканд проявлял в своей политике черты агрессивности, приводившей его к ожесточенной борьбе с Бухарой. Котевские по русско-коканским пределам «киргизы» Большой орды и «дикоманские» киргизы становились предметом «заботы» царского правительства от Кокана; правительство отпускает специальные суммы на подарки и угощение султанов и начальников родов; возводятся укрепления (Копал в 1850 г.)⁴. Начиная втягиваться в частичные вооруженные столкновения с Коканом, царское правительство воздерживалось, однако, до известного времени от развернутой активной политики и в этом районе Средней Азии. В своем отношении к западносибирскому губернатору от 27 октября 1849 г., говоря о необходимости всемерного укрепления русского влияния в Семипалатинской области, Нессельроде давал в то же время директиву соблюдать величайшую осторожность, чтобы не вызвать чьей-либо тревоги⁵.

Период «мирной политики» в Средней Азии продолжался до начала 50-х годов. В 1851 г. на посту оренбургского ген.-губернатора вместо Обручева снова появилась фигура Перовского. Это была пора, когда «великий посол» Стратфорд Каннинг стал полноправным хозяином в Константинополе и превратил Турцию в провинцию, управляемую английским консулом. Это была пора, когда усмиритель Венгрии почувствовал в себе достаточно силы, чтобы привести султана к былой покорности. Это была пора, когда Англия готовилась нанести России сокрушительный удар на Ближнем Востоке, возродив свой союз с Францией и получив в лице Наполеона III незаменимого союзника, стремившегося стать вершителем судеб Европы, «использовав при этом в качестве лестницы Турцию»⁶. В плане нового ближневосточного кризиса царская политика в Средней Азии готова была вступить в свою активную стадию.

¹ МП, Га. арх., I—1, 1847, № 9, лл. 40—44 и 1850 г., № 92, лл. 25—29.

² Там же, 1849, № 90, лл. 45—48; ЦНИА, РГА, № 36934, лл. 151—154.

³ МП, Га. арх., I—1, 1849, № 91, лл. 79—82.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., IX, стр. 573.

¹ МП, К., Лондон, 1839, № 122 — Письмо Брунинова от 12/24 IX 1839 г.

² Там же, Га. арх., I—1, 1842, № 84, л. 203.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует
4	14 стр.	Альфиери	Альфиери
6	18 св.	Барир	Батиар
10	15 стр.	напоминанием	напоминаем
14	6 „	полным	почти полным
121	22 св.	русской	русские
216	13 „	придавая	придавал